

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XXVIII международной научно-практической конференции*

№ 8 (28)
Сентябрь 2013 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2013

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Кирпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А. С. Макаренко.

Редакционная коллегия:

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ «Череповецкий государственный университет»;

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доцент кафедры естественно-гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет»;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доцент кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиал) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник, заместитель председателя Совета молодых ученых ФГБОУ ВПО "Национальный исследовательский Томский государственный университет", старший преподаватель кафедры социологии, психологии и права ФГБОУ ВПО "Национальный исследовательский Томский политехнический университет".

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. № 8 (28): сборник статей по материалам XXVIII международной научно-практической конференции. — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 132 с.

Учредитель: НП «СибАК»

«Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История социально-политических учений зарубежных стран	6
КОМПОНЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ Кремень Татьяна Васильевна	6
1.2. Политика в России	13
РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ Филина Нина Владимировна	13
Секция 2. Социология	23
2.1. Социология управления	23
КОМПЕТЕНТНОСТЬ РАБОТНИКА КАК КРИТЕРИЙ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ Рыцев Александр Иванович	23
2.2. Социология личности	31
ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ Лозовая Мария Юрьевна	31
2.3. Социология международных отношений	38
РОССИЯНЕ О БЕЛОРУСАХ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Муха Виктория Николаевна Самсонкина Елена Александровна	38

Секция 3. Философия	44
3.1. Философия и ее роль в современном обществе	44
ФИЛОСОФСКОЕ И БОГОСЛОВСКОЕ ПОНИМАНИЕ КУЛЬТОВО-ОБРЯДОВЫХ ПРАКТИК Кобрын Михаил Степанович	44
3.2. История философии	50
ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ЦАРСТВОВАНИЕ В ФИЛОСОФИИ СЛАВЯНОФИЛОВ Мартынова Ольга Александровна	50
3.3. Онтология и теория познания	62
РОЛЬ ТЕОМОРФИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ПРАКТИКЕ ПОЗНАНИЯ МИРА Махмараимова Шохиста Тухтошевна	62
3.4. Философские проблемы образования	68
ПРИНЦИПЫ МОДИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ Фотиева Ирина Валерьевна Артамонова Татьяна Александровна	68
Секция 4. История	73
4.1. История России	73
ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ПУБЛИКАЦИЮ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА Егоров Андрей Николаевич	73
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАСРЕДЫ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ОГЛАШЕНИЯ «МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ» Кидакоева Зарема Шихамовна	84
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТИПОГРАФСКО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.) Кононова Татьяна Леонидовна	90

«КУБАНСКИЕ ОБЛАСТНЫЕ ВЕДОМОСТИ» В ПЕРИОД РЕДАКТОРСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ Лучинский Юрий Викторович	101
ЯРМАРОЧНЫЕ ГОРОДА УРАЛА В XIX ВЕКЕ Лариса Александровна Мельникова	106
ПРИЧИНЫ ИЗБРАНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВА НА ЦАРСКИЙ ТРОН Ткаченко Александра Викторовна Третьяк Сергей Александрович	110
4.2. Всемирная история	115
ПРОЦЕСС СТРОИТЕЛЬСТВА ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ: СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ИНТЕГРАЦИИ Шахов Андрей Евгеньевич	115
4.3. Археология	122
ОБЗОРНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИКРОЧАСТИЦ НА ОБРАЗЦЕ КВАРЦИТОВОГО САРКОФАГА ИЗ КОМПЛЕКСА ПИРАМИДЫ АМЕНЕМХЕТА II В ДАШУРЕ (ЕГИПЕТ) Горлова Юлия Владимировна	122

СЕКЦИЯ 1.
ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

КОМПОНЕНТЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Кремень Татьяна Васильевна

канд. полит. наук, докторант

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,

г. Киев, Украина

E-mail: natalya_im@ukr.net

COMPONENTS OF POLITICAL MOBILIZATION

Kremen Tatyana Vasilivna

phD in Political Science, doctoral

Kyiv National University Taras Shevchenko,

Kiev, Ukraine

АННОТАЦИЯ

В статье характеризуются некоторые аспекты политической мобилизации — необходимой составляющей политических процессов. Автор, опираясь на теоретические исследования зарубежных ученых, акцентирует внимание на объектах и субъектах политической мобилизации граждан.

ABSTRACT

The article characterizes some aspects of political mobilization — a necessary component of the political process. The author, based on the

theoretical study of foreign scientists, focuses on objects and subjects of the political mobilization of the citizens.

Ключевые слова: политическая мобилизация, объекты и субъекты политической мобилизации, государство, граждане.

Keywords: political mobilization, objects and subjects of political mobilization, the state, the citizens.

Политическую мобилизацию можно определить как процесс поощрения населения к политическому участию — при условии, что политическое участие не всегда соответствует политической активности. Политическая апатия также может считаться формой политического участия.

Политическую мобилизацию можно определить как постепенное сосредоточение и использование государственным или негосударственным актером политики различных материальных и человеческих ресурсов с целью достижения своей цели.

Классическая политическая наука считает, что политическая мобилизация — необходимое условие существования гражданского общества, поскольку уровень стабильности гражданского общества напрямую зависит от высокого уровня гражданской активности. Первым об этом высказался американский политолог Сэмюэл Хантингтон в работе «Политический порядок в обществах, которые меняются» [7, с. 34]. Он пришел к выводу, что в обществах преторианских (таких, где ресурсы и власть сосредоточены под контролем одной или нескольких социальных групп, а также существуют группы депривованого, которые лишены доступа к ресурсам и власти) действует обратное правило — стабильность такого общества обеспечивается низким уровнем политической и общественной активности масс, ограничением их политического участия, созданием политической апатии населения.

Следует отметить, что многие ученые, соглашаясь с необходимостью политического участия граждан, спорят о целесообразности активного участия именно всех граждан, выдвигая так называемую теорию элит. Так, в фундаментальном труде "Voting", Бернард Берелсон, Пол Лазарфелд и Уильям Макфи сделали сенсационное предположение, что политическая апатия определенной степени полезна для демократии. Как бы работала демократия, как бы она функционировала, ставят они вопрос, если бы все люди были глубоко вовлечены в политические процессы? Если бы происходил механизм согласования интересов? «Недостаток интереса

со стороны некоторых людей имеет свои преимущества», — делают парадоксальный вывод ученые [2, с. 19—20].

Исходя из большинства экономических и политических вопросов, Джозеф Шумпетер еще в 1942 году пришел к выводу, что уровень мотивации граждан, даже образованных, является примитивным и инфантильным [6, с. 70] — в первую очередь они ориентируются на популистские, откровенно нереалистичные заявления и обещания политиков.

Томас Дай и Хармон Цайглер в работе «Ирония демократии» в 1993 году отстаивают парадоксальный тезис: демократия — власть народа, но вопрос выживания демократии лежит на плечах элиты [3, с. 38].

Вопрос сохранения масс в состоянии политической пассивности или безразличия — один из аспектов процесса политической мобилизации. Определим этот феномен — политику хранения масс в состоянии политической пассивности — как феномен минус-мобилизации.

В принципе, для масс естественно быть апатичными — если средний индивид удовлетворяет свои потребности и чувствует стабильность, он не склонен интересоваться политическими процессами. Общественное мнение можно сравнить с великаном, что спит: большинство времени он пассивен и ни на что не реагирует, но если его разбудить, то он будет иметь значительное влияние на политические процессы. Чиновники каждый день имеют дело с десятками вопросов, большинство из которых не волнуют общественность в целом и имеют значение только для отдельных маленьких групп. И только некоторые из этих тем — в частности те, которые освещаются масс-медиа, — более или менее популярные среди всей общественности: то есть, в них ориентируются граждане разных социальных слоев.

Итак, политическая мобилизация — необходимая составляющая политических процессов, независимо от того, какова ее задача — повышение политической активности граждан или, наоборот, сохранение их в пассивном состоянии.

В зависимости от специфики того или иного исследования, объектом политической мобилизации можно считать как отдельных индивидов, так и население всего государства, а также различные общественные группировки. Объект мобилизации вступает в социальные взаимоотношения с субъектом мобилизации. В зависимости от степени участия объекты политической мобилизации могут быть разделены на несколько групп — вспомним о классификации, предложенной Джеймсом Розенау [5, с. 15—18].

Розенау определяет общую совокупность избирателей как «массовую общественность» (mass public) — то есть, как сообщество граждан, преследующих политические права. С общей «массовой общественности» индивидов с политическими правами выделяется так называемая «внимательная общественность» (attentive public). Это относительно малочисленная — как правило, не более 10—15 % от всех избирателей, — но очень активная группа избирателей, которая играет ключевую роль в политической жизни демократических систем и для которой характерны такие элементы поведения: чтение прессы, всеобщее внимание к политическим новостям, разговоры с друзьями или близкими людьми о политике и, вообще, осведомленность в происходящих политических процессах.

Еще одна активная группа, которая также не является многочисленной — в среднем около 20 % по оценкам Розенау — есть так называемая «потенциально мобилизована общественность» (mobilizable public). В этом случае политическое внимание трансформируется в способность к мобилизации. Примером такого действия могут служить события осени 2004 года в Украине, когда общественное внимание к президентским выборам трансформировалась в способность к быстрой политической мобилизации после ряда акций, проведенных агентами мобилизации — рассылка электронных писем с призывом выйти на Майдан, флешмоб с оранжевой символикой, публичные высказывания известных персон.

Граждане, которые являются потенциально мобилизованной общественностью, но не являются внимательной, относятся к типу, привлечение которого к политическим процессам имеет более зависимый характер. Как правило этот процесс является следствием внешнего и часто иррационального мобилизационного воздействия. Именно такие граждане являются материалом, который используется элитами при осуществлении авторитарного типа мобилизации.

Розенау отмечает, что с точки зрения политической стабильности ограниченное количество внимательной общественности является положительным явлением, поскольку резкое расширение ее количества является показателем будущих политических катаклизмов. С ним согласны и другие ученые, которые считают, что непривлечение общественности к политическим процессам обеспечивает стабильность общества [2, с. 27].

На основе классификации, предложенной Розенау, предлагаем классифицировать объекты мобилизации по типу политического поведения и политического участия. Таким образом, выделяются группы индивидов со следующими характеристиками:

- высокая, постоянная политическая активность;

- эпизодическая участие в политике, или электоральное поведение, участия в выборах;
- проявление определенного интереса к политике, или вербальное политическое поведение;
- равнодушие, аполитичность, апатия, негативное отношение к возможному собственному участию в политике.

Выделяется также группа, которая характеризуется неортодоксальным политическим поведением или участием — то есть, такой, которая не включена в политическую систему, не разрешена или запрещена ее правилами. Такой тип политического участия английский исследователь Дэвид Марш называет «политическим преступлением», к которому он относит восстание, демонстрации, забастовки, войны, саботаж, политические убийства и т. п. [4, с. 240]. Как правило, поведение такого типа характерна для граждан политически нестабильного общества, которое находится в социокультурном кризисе. Эта группа мобилизуется всегда спонтанно и эмоционально.

Задача агента мобилизации, таким образом, заключается в том, чтобы трансформировать соответствующую группу в другую, согласно насущным потребностям политического актера, который является субъектом мобилизации — то есть, привлечь политически пассивных граждан посетить выборы; убедить активных граждан выйти на улицу и принять участие в акции протеста; отбить охоту нейтральной группы от политического участия и т. п.

Итак, объекты мобилизации могут быть классифицированы в зависимости от степени своего участия и привлечения — так называемого внимания. В зависимости от уровня внимания, который присущ объекту мобилизации, их спектр отличается от политически активных граждан к демонстративно пассивным и равнодушным. Они чувствительны к различным типам политической мобилизации и вступают в социальные взаимоотношения с субъектом мобилизации.

Исходя из фактора объема и наличия ресурсов власти, выделяем следующие виды субъектов мобилизации:

- государства или межгосударственные объединения;
- неассоциативные объединения, т. е. группировка людей, которые имеют непосредственный личный контакт, которые объединены неформальными связями, но при этом не имеют жесткой организационной структуры;
- ассоциативные объединения, т. е. легально оформленные группировки, имеющие организационную структуру и определенный руководящий аппарат;

- институциональные группировки, существующие внутри формальных структур социально-политических институтов — депутатские кланы в парламенте, группы влияния в правительстве;
- отдельные индивиды — чаще всего, лидеры общественного мнения, моральные авторитеты, медийные персоны и т. д.

Появление и распространение новых информационных технологий, размывание государственных границ, трансформация государственного суверенитета, который делегируют другим политическим актерам, несколько изменили баланс сил между субъектами мобилизации — так, благодаря социальным медиа снизился порог транзакционных затрат на осуществление процесса мобилизации, значительно расширило возможности, например, отдельных индивидов как субъектов мобилизации. То есть, современная мировая политика характерна определенной полицентричностью и многослойностью — в то время, когда сохраняется поле межгосударственных взаимоотношений, формируется поле, где участниками являются негосударственные актеры, актеры извне суверенитета. Соответственно, они выступают другими субъектами мобилизации.

Но пока государство все же обладает наиболее развитым инструментарием для осуществления мобилизации — от принудительной к побудительной.

Американский экономист А.А. Хиршман выделял три состояния взаимоотношений государства и общественности в контексте мобилизации: *exit*, *voice* и *loyalty* (англ. выход, голос и верность, соответственно) [1, с. 32]. Под *loyalty* он понимал ситуацию, когда власть может мобилизовать граждан для поддержки режима; *Voice* предусматривает ситуацию, когда граждане активно выражают свое недовольство существующим режимом; Стратегия *exit* выражается в отсутствии у граждан интереса к политике, отказ от участия в выборах и отсутствие каких-либо политических взглядов.

Следовательно, субъектами политической мобилизации могут выступать государство, политические партии, любые политические организации, гражданские движения и даже отдельные индивиды — но в любом случае субъект мобилизации должен обладать определенным ресурсом власти для того, чтобы влиять на объекты мобилизации. Этот ресурс может быть выражен в различных формах — от наличия уголовного аппарата к обладанию информационными источниками. От участников политических процессов субъектов мобилизации отличает способность сознательно инициировать, управлять и останавливать процесс политической мобилизации.

Список литературы:

1. Хиршман А.О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств: Пер. с англ. М.: Фонд Либеральная миссия; Новое изд-во, 2009. — 153 с.
2. Bernard R. Berelson Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. University of Chicago Press, 1954. — 395 p.
3. Dye T.R., Zeigler H. The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics. Stamford: Cengage Learning, 2008. — 448 p.
4. Marsh D. Theory and Methods in Political Science (Political Analysis). London: Palgrave Macmillan, 2010. — 392 p.
5. Rosenau J.N. Turbulence in world politics: a theory of change and continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. — 480 p.
6. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism, and Democracy. London: Routledge, 1994. — 450 p.
7. Huntington S.P. Political order in changing societies. Cambridge: Yale University Press, 1968. — 488 p.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Филина Нина Владимировна

*аспирант негосударственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Омской гуманитарной академии»,
г. Омск*

E-mail: permusik@rambler.ru

RELIGIOUS SITUATION IN OMSK PROSPECTS OF SOCIAL AND POLITICAL COOPERATION OF REGIONAL AUTHORITIES WITH RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Filina Nina

*graduate student of private educational institutions of higher education
"Omsk Academy of the Humanities",
Omsk*

АННОТАЦИЯ

Автором исследуется религиозная ситуация в Омской области, определяется круг проблем социально-политической направленности. На основе анкетных данных автор характеризует социально-политическое взаимодействие региональных органов власти с религиозными организациями. Определены перспективы повышения действенного участия религиозных организаций в решении существующих социально-политических проблем.

ABSTRACT

The author examines the religious situation in the Omsk region, defined by a range of problems of social and political orientation. Based on

the questionnaire data, the author describes the social and political cooperation of regional authorities and religious organizations. The prospects of increasing the effective participation of religious organizations in addressing existing social and political problems.

Ключевые слова: социально-политический процесс; религиозная ситуация; социально-политическое взаимодействие; религиозная организация.

Keywords: social and political process; religious situation, socio-political interaction, a religious organization.

Глобальные перемены, произошедшие в вопросах религии в конце XXI века в России, отразились на внутренней политике субъектов Российской Федерации. Однако на региональном уровне участие религиозных организаций в социально-политическом процессе носит индивидуальный характер. В каждой административно-территориальной единице учитываются исторические и иные местные традиции, которые складывались веками, они, несомненно, оказывают влияние на конфессиональную политику. В Западной Сибири и на Дальнем Востоке наблюдается преобладание православных и мусульманских религиозных организаций, но в последнее время количество протестантских, буддийских и нетрадиционных религиозных организаций неуклонно растет. Эти религиозные организации сознательно выбирают буферную зону, так как она отличается большой территорией, недостаточным контролем со стороны органов государственной власти.

Основными характеристиками религиозной ситуации в регионах являются: религиозность населения и участие религиозных организаций в социально-политическом процессе.

Дать объективную оценку религиозной ситуации по всем субъектам Российской Федерации невозможно в связи с тем, что их количество велико и недостаточно научных исследований в этом направлении, религиозные лидеры не желают вести диалог с исследователями.

Поэтому с целью выявления современного состояния и особенностей религиозности, а также ее влияния на социально-политические процессы нами было проведено социологическое исследование «Роль религии и религиозных организаций в социально-политических процессах». Опрос проводился по средствам интернет анкетирования при поддержке сервера виртуальных исследований “Virtualalex”. С текстом и результатами исследования можно ознакомиться на сайте, номер опроса 8946. В опросе приняло участие

500 респондентов. Он был проведен методом индивидуального стандартизированного интервью.

Среди 500 респондентов по половому признаку анкеты распределились примерно одинаково 49 % — мужчины, 51 % женщины. Что касается возрастных категорий, то среди опрошенных 26 % составили лица в возрасте от 21—29 лет, 23 % лица в возрасте до 20 лет, 20 % — от 30—39 лет, 17 % — от 40—50 лет, 9 % от 50—55 лет, 5 % — старше 55 лет. Возросший интерес среди молодежи суммарно более 50% можно объяснить тем, что эта категория более мобильна, владеет информационными технологиями, проявляет активную гражданскую позицию, стремится к тому, чтобы их голос был услышан и учтен даже в подобных анкетах. По уровню образования голоса распределились следующим образом со средним — 27 %, со средним специальным — 23 %, с неполным высшим — 28 %, с высшим — 23 %.

На вопрос, считаете ли вы себя верующим человеком, положительно ответили 68 % респондентов. Нестабильность в обществе, социальная деформация, безработица, безразличие к окружающим, жестокость, акты вандализма порождают у молодежи желание обрести частичку спокойствия, умиротворения и они обращаются к вере.

Выражая свое отношение к социальному служению, осуществляемому религиозными организациями, 38 % респондентов высказали необходимость, 27 % нужность и только 35 % ответили отрицательно. Доверяют деятельности религиозных организаций 49 %, считают, что роль православной церкви возрастает 35 %.

Задумываясь над вопросом, какую роль религия играет в российском обществе, 32 % ответили — духовно объединительную, 20 % — считают, способствует культурному развитию, 22 % — формирует нравственные и моральные устои, 17 % — служит обществу. Остальные считают, что религия — источник поддержки людей.

На вопрос должен ли существовать диалог между государством и религиозными организациями положительно ответили 43 % респондентов, допустимо ли вовлечение религиозных структур в политический процесс положительно ответили 43 % опрошенных.

Таким образом, оценивая религиозную ситуацию в регионе можно сказать, что она нестабильна, несмотря на численное превосходство православных приходов, наблюдается активизация мусульманских, евангельских религиозных организаций. Опрос показал, что 43 % респондентов посещают несколько религиозных организаций. Этот факт свидетельствует о том, что молодежь не расставила до конца свои религиозные приоритеты, а значит,

борьба за паству продолжается, какая религиозная организация победит в этой борьбе — неизвестно.

Оценивая деятельность религиозных организаций, больше половины опрошенных высказали необходимость социального служения. Сегодня общество предъявляет высокие требования к власти, к себе, к институтам гражданского общества, в том числе и к религиозным организациям. По мнению общества, религиозные организации должны быть направлены на социальное служение, на оказание помощи нуждающимся. Сегодня большинство религиозных организаций ограничиваются богослужением, проведением обрядов, а этого недостаточно. Необходимо пересматривать свою деятельность и быть социально ориентированными. На вопрос насколько заметна общественно-политическая деятельность религиозных организаций в муниципальных образованиях большинство респондентов ответили «незаметна». Доверие сложно завоевать и очень легко потерять. Сегодня доверие к религиозным организациям пошатнулось, из 500 опрошенных — 49 % высказались положительно. Что сегодня мешает религиозным организациям быть социально-ориентированными? Большинство ответили — нехватка финансов, однако пожертвования всегда были и остаются частью доходов религиозных организаций.

Изучая отчеты религиозных организаций на примере Омской области можно сделать вывод, что они формальны, доходы и пожертвования есть и их хватает для социального служения. Однако как перераспределяются эти средства, большой вопрос, зависящий от настоятеля, а он, как известно не без греха.

На вопрос какое место православие должно занимать в государстве, голоса респондентов распределились примерно поровну между следующими утверждениями: православие должно стать государственной религией, все религии должны быть равны и религия не должна вмешиваться в дела государства. Учитывая сложившуюся ситуацию, смею предположить, что будет продолжаться дальнейшая политизация религии. Так как большинство респондентов высказали свою позицию в пользу диалога между государством и религиозными организациями, а также допускают вовлечение религиозных структур в политический процесс.

К настоящему времени по данным министерства юстиции в Омской области 269 зарегистрированных религиозных организаций 131 — религиозная организация Русской православной церкви, 1 — Старообрядческая организация, 2 — Греко-католических прихода, 1 — Русская истинно-православная церковь, 2 — Молоканские организации, 1 — общество Кришны, 4 — Адвентистов седьмого дня,

1 — Индуистская религиозная организация, 5 — Евангельско-лютеранских общин, 12 — религиозных организаций Христиан веры евангельской, 1 — Евангельско-лютеранская церковь «Ингрии», 1 — община братских меннонитов, 45 — Мусульманских религиозных организаций, 2 — Буддийский центр и община, 9 — Римско-католических приходов, 6 — церквей Евангельских христиан баптистов, 12 — Евангельских христиан пятидесятников, 1 — Иудейская община, 2 — Армяно-апостольских церкви.

Для понимания состояния религиозной ситуации в Омской области необходимо охарактеризовать деятельность ряда конфессий.

Социальное служение религиозного учреждения Омского отделения благотворительной католической организации «Каритас» Азиатской части России, регистрационное дело № 5511010028. И других Римско-католических религиозных организаций четко организовано и согласно уставу осуществляет следующие направления деятельности:

- проведение религиозных обрядов;
- оказание благотворительной помощи;
- профилактика девиантного поведения;
- образовательные услуги;
- социальная поддержка и защита граждан;
- создание социальных служб.

На региональном уровне религиозная организация осуществляет свою деятельность в форме благотворительных акций и специальных служб, оказывающих социальную поддержку населению.

Деятельность Римско-католических организаций, безусловно, оказывают влияние на социально-политическую жизнь региона. Они быстро перестраиваются под социальные деформации и потребности общества. «Каритас» сотрудничает с интернатами, больницами. Однако необходимо на региональном уровне документально регламентировать совместную деятельность с целью взаимообогащения, открытия новых центров для большего охвата нуждающихся и для расширения направлений социального служения.

Широкое распространение на территории региона получили Евангельские христиане баптисты. Члены этой религиозной организации частые гости в домах престарелых, в колониях, в учебных заведениях. Проповедуют Евангелия среди населения. Миссионеры построили в городе Омске дом молитв. В нем проводятся евангельские беседы, просветительская работа. Проповеди проводятся регулярно с большим количеством прихожан. Баптисты активно сотрудничают с зарубежными религиозными организациями, которые оказывают им гуманитарную, финансовую помощь.

Также на религиозную жизнь Омской области оказывает влияние Церковь Адвентистов седьмого дня. В своей деятельности они широко используют женское служение, семейное служение, детское служение, молодежное служение. На базе церкви действуют различные клубы; «Следопыт», «Искатели приключений». Среди верующих проводятся субботние школы по возрастам. Организовываются кружки по интересам. Религиозная организация Адвентистов седьмого дня проводит социальное служение для членов своей церкви.

В Омске действует Новоапостольская церковь. Активной пропагандистской и миссионерской работы эта организация в нашей области не ведет. Членами организации являются в основном люди старшего и среднего возраста, хотя присутствуют и более молодые члены. Деятельность направлена на богослужение. Новоапостольские прихожане стремятся к признанию важнейших христианских заповедей: любви к Богу и к ближнему.

Наряду с православием в Омской области распространяются и мусульманские религиозные организации. Свою деятельность они направляют на проведение праздников и на оказание помощи нуждающимся, как правило, мусульманам. Особо в вопросы политики и межконфессионального союза они не вникают. Однако активно принимают участия в праздниках, конференциях. Оказывают помощь в акциях, городских, областных мероприятиях.

В Омской области есть ряд организаций, зарегистрированных как общественные. По характеру своей деятельности, фактически являются религиозными. На мой вопрос: «для чего они скрывают характер своей деятельности?» — организаторы мне пояснили, что сегодня диалог между представителями власти и религиозными организациями, а особенно нетрадиционными очень долг и безрезультатен. С любой общественной организацией органы власти легко идут на контакт.

Говоря о перспективах повышения действенного участия религиозных организаций в решении существующих социально-политических проблем, необходимо обозначить круг проблем Омской области. Ежегодное сокращение численности населения; старение населения; утрата семейных ценностей, разрушение института семьи; наркомания; алкоголизация; увеличение количества инвалидов; очередь и нехватка учреждений социального обслуживания; неразвитость социального обслуживания; нехватка комплексных центров социального обслуживания населения; увеличение численности лиц **без определенного места жительства и освободившихся из мест лишения свободы**; безработица; преступность; социальное сиротство; детская и подростковая девиация; низкий уровень

морали и нравственности; несовершенство законодательства; бедность населения.

Для решения данных проблем на региональном уровне действуют программы, создаются новые структурные единицы, разрабатываются межведомственные соглашения, принимаются комплексные меры для решения существующих проблем. Продолжается работа в рамках областных долгосрочных целевых программ правоохранительной направленности: «Новое поколение (2009—2013 гг.)»; «Профилактика правонарушений и наркомании (2010—2014 гг.)».

Учитывая социальную значимость наркологических заболеваний и их последствий, в Омской области создана система межведомственного взаимодействия по предупреждению наркологических заболеваний.

На протяжении нескольких лет врачами-наркологами совместно со специалистами других ведомств, проводятся такие массовые акции, как «Родительский урок», «Здоровье молодежи — богатство России», «Классный час», «Первокурсник», «Лагерь — территория здоровья» и другие. В течение 2012 года специалистами наркологической службы организовано и проведено около 5 тысяч мероприятий по профилактике наркологических заболеваний и пропаганде здорового образа жизни. Всего в профилактических мероприятиях в 2012 году участвовало более 200 тысяч человек.

Однако этой помощи недостаточно и государственные учреждения не справляются в полном объеме с теми проблемами, которые возникают в регионах.

Учитывая тенденцию старения населения, религиозным организациям целесообразно заключать договор пожизненной ренты. В рамках данного договора, одиноко проживающие пожилые люди, имеющие в собственности жилое помещение, могли проживать на территории монастырей, церквей. В случае смерти жилое помещение переходило в собственность религиозной организации. Учитывая бескорыстный характер деятельности религиозных организаций, жилье могло перераспределяться между остро нуждающимися гражданами, перестраиваться под дома интернаты, ночлежки и т. д.

К причинам смертности и рождаемости можно отнести большой процент абортотворения. За 2012 год жительницами Омской области было сделано более 12 тысяч 188 абортов. Религиозные организации выступают против абортов. В случае сокращения их количества, улучшится демографическая ситуация в регионе. В решении этой проблемы религиозные организации обязаны оказывать помощь. Основные причины абортов социальная незащищенность, отсутствие жилья. Органы социальной защиты могут предложить только выплаты

в виде пособий их размер 500 рублей, материнский капитал, тоже в большинстве случаев не останавливает от аборта. Сегодня молодой семье или матери одиночке нужна помощь. Подобную помощь оказывают религиозные организации «Каритас», где на их базе предоставляется площадь для проживания матерей все необходимое для матери и малыша впервые годы жизни. Одежда, питание, мебель, подобные общежития, детские сады помогают в борьбе с абортами. Эти случаи единичны, необходимо обобщение и распространение подобного опыта. А также объединить усилия религиозных организаций с центрами планирования семьи, и родильными домами.

В вопросах наркозависимости религиозные организации оказывают неоценимую помощь, проводят акции, беседы, круглые столы, на своей базе организуют реабилитационные центры, разрабатывают программы реабилитации через познание бога. Подобную работу ведут, к сожалению не все религиозные организации. Хороший опыт сложился в Свято-Никольском мужском монастыре, село Большекулачье. В Евангельских религиозных организациях регулярно проходят реабилитацию и излечиваются несколько сот наркоманов с большим стажем. Излечившиеся наркоманы продолжают жить по законам религиозной организации, они не остаются без внимания и поддержки со стороны религиозных братьев и сестер.

Подобная реабилитация осуществляется и с людьми злоупотребляющими алкоголем. Необходимо объединить усилия религиозных организаций и наркологических диспансеров в вопросах лечения и реабилитации наркозависимых граждан. А также сотрудничать с частковыми с целью выявления подобных семей и работы с ними.

В связи с увеличением количества инвалидов, нехватке и несовершенстве социального обслуживания, религиозным организация необходимо подключаться оказывать действенную помощь, уход за инвалидами, организовывать службу сиделок при религиозных организациях, вести просветительскую работу, оказывать посильную материальную помощь.

Сложным остается вопрос с лицами без определенного места жительства, освободившимися из мест лишения свободы. Нехватка мест в социальных учреждениях ночного и временного проживания. Вопросы трудоустройства, восстановления документов, социализация требуют всесторонней помощи и внимания. Так отдельные религиозные организации оказывают помощь в восстановлении документов, в медицинском обслуживании, организуют горячее питание, создают санитарные комнаты, выдают одежду. Распространяют религиозную литературу, протягивают руку помощи. Религиозные организации

недолжны, быть равнодушными, они должны оказывать помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Что касается бедности то эта проблема и позор государству, но религиозные организации подобно аккумуляторов накапливают финансовые средства и способны их перераспределить между теми, которые находятся за гранью бедности и тем самым повысить качество жизни населения. Практика показывает те религиозные организации, которые оказывают действенную помощь, имеют, как правило, один молитвенный дом, двери которого никогда ни закрываются, а количество прихожан исчисляется сотнями. Порой некуда сесть, но люди готовы стоя нести службу делиться радостью и горем, вместе сообща решать проблемы. Другие религиозные организации стремятся к количеству, строят, восстанавливают храмы, не принося помощи людям. Возникает законный вопрос, зачем восстанавливать и строить разрушенное, необходимо сохранять то, что осталось и помогать людям.

О несовершенстве законодательства говорить не приходится. Необходимо выработать стратегию конфессиональной политики. Проблемы сегодня возникают при работе с религиозной группой о деятельности, которой никто не знает и о существовании тоже. Количество религиозных групп не регламентировано, их деятельность бесконтрольна. Практика показывает, что именно религиозные группы нарушают нормы действующего законодательства. Их деятельность может быть направлена на разжигание войны, споров, розни, экстремизма. Считаю необходимым проводить регистрацию всех религиозных групп, а также осуществлять контроль над их деятельностью. Несвершенный порядок рассмотрения жалоб. Пример, религиозная группа разжигает конфликт, об этом сообщают в органы юстиции. Органы юстиции по своей картотеке проверяют наличие группы и выясняют, что по указанному адресу, религиозная группа у них не зарегистрирована. Следовательно, проверить они ее не в праве. В свою очередь юстиция передает информацию в прокуратуру или полицию. Пока прокуратура и полиция назначат проверку, приедут на место. Религиозная группа переедет и информацию о ней могут не найти или не захотят найти.

На наш взгляд подобный опыт социального служения и предложенные формы, механизмы участия религиозных организаций помогут частично решить существующие социально-политические проблемы, стоящие перед государством и обществом.

В Омской области уровень религиозно-ориентированного населения низкий но, не смотря на это, сохраняется социально-политическая стабильность в регионе.

Следует отметить, что популярность религии среди населения будет возрастать, благодаря религиозно-ориентированным гражданам, и социально-ориентированной деятельности религиозных организаций. В регионе выстраиваются толерантные отношения между верующими и неверующими.

Возрождение духовности в регионе характеризуется формированием конфессиональной политики, развитием сотрудничества между исполнительными органами власти и религиозными организациями, многоконфессиональностью. Социум влияет на возрождение духовности, гуманное отношение к религии, критерий развитого гражданского общества.

В настоящее время, религиозный резерв по количественным и качественным показателям в субъекте еще не исчерпан.

Преодоление кризисных явлений в социально-политических процессах в ближайшее время будет способствовать увеличению количества верующих, возрастанию доверия к религиозным организациям.

Список литературы:

1. Бабошина Е.В. Право и религия: теоретико-правовые аспекты взаимодействия /Е.В. Бабошина// Юрист — правовец — 2009. — № 5. — с. 33—37/
2. Володина Н.В. теоретические основы правового регулирования отношений государства и религиозных объединений: автореф....доктора юрид. наук: 12.00.01/ Володина Нина Витальевна. СПб., — 2010. — 22 с.
3. Сорокин В.В. Право и православие [Текст]: монография / В.В. Сорокин; М-ва образования и науки Российской Федерации. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. — 548 с.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

КОМПЕТЕНТНОСТЬ РАБОТНИКА КАК КРИТЕРИЙ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ

Рыцев Александр Иванович

*аспирант СГА, преподаватель,
ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувькина»,
г. Октябрьский
E-mail: alexir01@mail.ru*

COMPETENCE OF A WORKER AS A CRITERION IN MAKING MANAGERIAL DECISIONS: A SOCIALLY ORIENTED ASPECT

Aleskander Rytsev

*postgraduate of Modern University for the Humanities, Teacher
of FSEI SPE "Oktyabrsky Oil Industry College named after S. Kuvykin",
Oktyabrsky*

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает компетентность работника организации как критерий в принятии управленческих решений руководителем на примере образовательного учреждения среднего профессионального образования. Полученные результаты оцениваются с точки зрения социально-ориентированного аспекта в принятии управленческих решений. Предлагается модель принятия управленческого решения.

ABSTRACT

The article briefly reviews the competence of a worker as a criterion in making managerial decisions by a manager by the example of educational institution of vocational secondary education. The achieved results are evaluated from the point of view of a socially oriented aspect when making managerial decisions. A model of a managerial decision making is proposed there.

Ключевые слова: компетентность, управленческие решения, производственный стаж в профессиональной сфере, социально-ориентированный аспект.

Keywords: competence; managerial decisions; industrial work record in professional sphere; socially oriented aspect.

В современных условиях повышенной требовательности работодателя к профессиональным качествам и компетенциям выпускника образовательных учреждений среднего профессионального образования возрастает роль профессионально-педагогических характеристик преподавателя.

Готовность выпускников к трудовой деятельности и их соответствие требованиям работодателя и общества зависит от компетентности преподавателя, от профессионально-педагогических компетенций.

В научной литературе компетентность и компетенция преподавателя рассматривается как «профессиональная компетентность» [2, с. 7] или «педагогическая компетентность» [4, с. 46], или профессионально-педагогическая компетентность» [1, с. 90].

А.В. Хуторской под компетенцией подразумевает «отчужденное, наперед заданное социальное требование к образовательной подготовке ученика, необходимой для его качественной продуктивной деятельности в определенной сфере» [4, с. 9, 10, 32].

Термин «компетентность» с точки зрения А.В. Хуторского, может использоваться для отображения уже состоявшихся качеств личности, «владение, обладание человеком соответствующей компетентностью, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности».

В свою очередь, Э.Ф. Зеер, отмечает, что «знания, умения и опыт определяют компетентность человека; способность мобилизовать эти знания, умения и опыт в конкретной социально-профессиональной ситуации обуславливают компетенцию образованной и профессионально успешной личности» [3, с. 240].

В работе Н.В. Кузьминой [1] профессионально-педагогическая компетентность представляет «свойство личности» и включает 5 видов (или элементов) компетентности:

1. специальная и профессиональная компетентность в области преподаваемой дисциплины;
2. методическая компетентность в области способов формирования знаний, умений у учащихся;
3. социально-психологическая компетентность в области процессов общения;
4. дифференциально-психологическая компетентность в области мотивов, способностей, направлений учащихся;
5. аутопсихологическая компетентность в области достоинства и недостатков собственной деятельности и личности.

Следует обратить внимание на то, что представленные критерии следует, на наш взгляд следует рассматривать как иерархия критериев, т. е. по степени важности.

Исходя из нескольких точек зрения на понимание компетентности и компетенций, следует считать, что компетентность преподавателей средних специальных учебных заведений представляет собой знания, умения, опыт и личностные качества, которые позволяют осуществлять образовательную деятельность, а компетенция — способность человека преобразовать и мобилизовать знания, умения и профессиональный опыт в образовательной деятельности.

В свою очередь, под профессионально-педагогическими компетенциями мы понимаем способность преподавателя применять успешно жизненный, производственный опыт, профессиональные знания и умения при решении профессионально-педагогических задач.

Рассмотрение данного критерия в ходе исследования в ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина» показало неоднозначную ситуацию с позиции социально-ориентированного управления. В качестве объекта исследования выступают преподаватели предметно-цикловой комиссии нефтепромышленных дисциплин. Предмет исследования — специальная и профессиональная компетентность в области преподаваемой дисциплины.

Специальная и профессиональная компетентность в области преподаваемой дисциплины у преподавателя базируется в первую очередь на стаже работы на производстве и полученного специального высшего образования в этой сфере.

Следует обратить внимание на то, что в новых стандартах образования заложен личностно-ориентированный подход в отношении обучающегося.

В свою очередь современной парадигмой управления является социально-ориентированный подход, т. е. предусматривающий принятие управленческих решений, направленных на личность работника.

Проведенные автором исследования представляют интерес с точки зрения социально-ориентированного управления и личностно-ориентированного подхода.

Распределение педагогической нагрузки преподавателя от стажа работы преподавателя на производстве показано в таблице 1.

Таблица 1.

Распределение преподавателей по стажу работы на производстве и педагогической нагрузке в ПЦК нефтепромышленных дисциплин ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина»

Стаж работы преподавателя на производстве, лет	Педагогическая нагрузка в неделю (1 семестр 2013—2014 года), час						
	17	22	28	30	31	Всего, чел.	Всего, в %
20—25	1	1				2	28,6
10—20							
5—10	1			1		2	28,6
Менее 5 лет		1	1		1	3	42,8
Всего, в %	28,6	28,6	14,29	14,29	14,29	7	100

Важным моментом также является количество преподаваемых профилирующих дисциплин, что отображено в таблице 2.

Таблица 2.

Распределение преподавателей по количеству преподаваемых профилирующих специальных дисциплин в ПЦК нефтепромысловых дисциплин ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина»

Стаж работы преподавателя на производстве, лет	Количество преподаваемых профилирующих специальных дисциплин 1 семестр 2013—2014 года)						
	1	2	3	4	5	Всего, чел.	Всего, в %
20—25	1		1			2	28.6
10—20							
5—10		1	1			2	28.6
Менее 5 лет		2		1		3	42,8
Всего, в %	14,29	42,8	28.6	14.29		7	100

Таким образом, преподаватели, имеющие больший стаж работы на производстве имеют меньший объем нагрузки в часах и по количеству преподаваемых профилирующих дисциплин. Данная ситуация по нашему мнению не является оптимальной с точки зрения современных стандартов образования и принятия управленческих решений по следующим причинам:

1. ниже эффективность образовательного процесса, так как в образовательной среде велико непосредственное личное взаимодействие преподавателя и учащегося;
2. неудовлетворительно влияет на морально-психологический климат в коллективе;
3. нерациональное использование потенциала работника;
4. низкая мотивирующая способность преподавателя;
5. психолого-этический аспект.

Более эффективной является следующая модель, где в первую очередь учитывается наличие большого опыта работы на производстве преподавателя специальных дисциплин (Рис. 1).

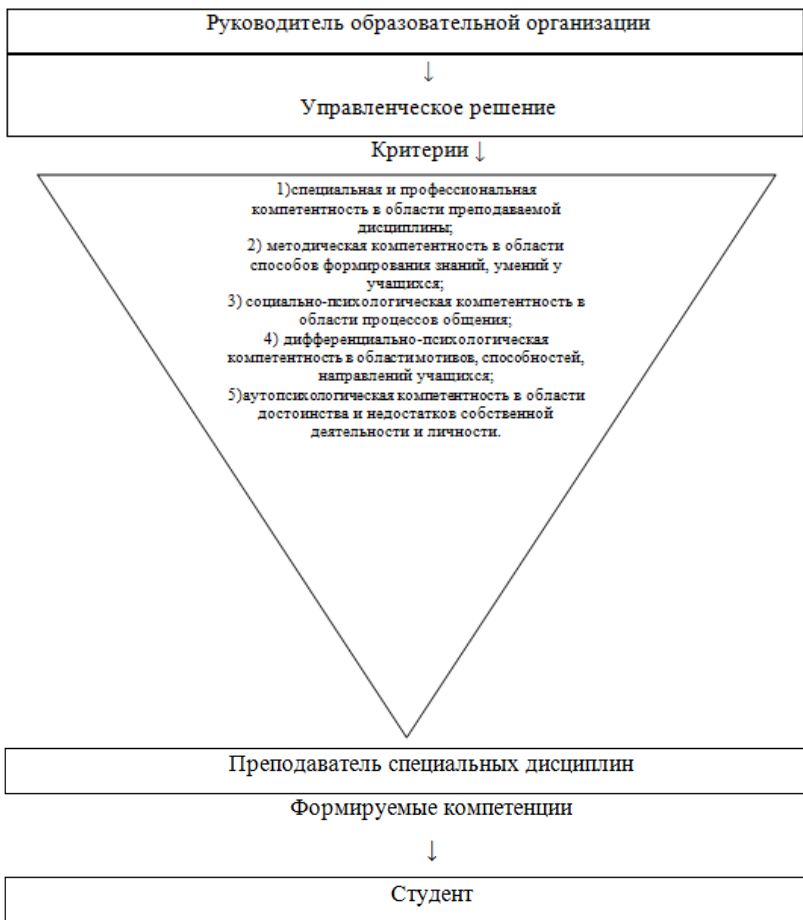

Рисунок 1. Модель принятия управленческого решения руководителем в образовательной организации

Обосновать данной модели подтверждают результаты исследования методом выборочного опроса в социальной сети «ВКонтакте» среди студентов колледжа (Табл.3).

Таблица 3.

**Результаты опроса среди студентов по критерию
«Специальная и профессиональная компетентность преподавателя
в области преподаваемой дисциплины»**

№	Варианты	Значение, в %
1.	Не работал в этой сфере на производстве, но имеет образование в этой сфере	14,3
2.	Недолго работал на производстве и имеет образование в этой сфере	0
3.	Долго работал на производстве и имеет образование в этой сфере.	71,4
4.	Долго работал на производстве и не имеет образование в этой сфере	14,3

Таким образом, студенты как потребители образовательных услуг в подавляющем большинстве отдают предпочтение преподавателям с большим производственным опытом и наличием профильного образования (71,4 %).

В образовательных организациях несомненно планируются стажировки преподавателей на производстве, однако большее значение имеет стаж работы непосредственно на производстве, особенно на инженерно-технических должностях.

Наличие указанных проблем диктует необходимость поиска новых, а также совершенствование имеющихся инструментов в принятии управленческих решения.

Как нам видится, путь решения проблемы — использование модели при принятии руководителем образовательной организации управленческих решений. Преимущество модели заключается в одновременном учете социально-ориентированного аспекта при принятии управленческого решения в организации и личностно-ориентированного подхода.

Важно отметить, что социально-ориентированное управление — это управление с обратной связью, которое обеспечивает более эффективную работу работника и организации в целом, позволяет избежать негативные последствия.

Вместе с тем, особо следует отметить психолого-этический аспект. Несправедливые управленческие решения создают депрессию и стресс у работника, конфликтную ситуацию в любой организации.

В свою очередь, в сфере образования кроме этого имеется вторая сторона этого аспекта — отсутствие положительного воспитательного

эффекта, т. е. обучающийся не имеет достойный пример для подражания. Следовательно нарушается личностно-ориентированный подход.

Таким образом, в профессиональной образовательной организации особенно велика роль социально-ориентированного подхода при принятии управленческого решения.

Список литературы:

1. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения /Н.В. Кузьмина. М.: Высшая школа, 1990. — 119 с.
2. Маркова А.К. Психологический анализ профессиональной компетентности учителя /А.К. Маркова // Советская педагогика. — 1990. — № 8. — С. 82—88.
3. Морозов В.Н. Актуальные задачи производственного блока компании в текущем году /В.Н. Морозов // Железнодорожный транспорт. — 2010. — № 2 — С. 2—9.
4. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А.В. Хуторской. М.: МГУ, 2003. — 416 с.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Лозовая Мария Юрьевна

лаборант-исследователь ФГБОУ

ВПО «Кубанский государственный технологический университет»,

г. Краснодар

E-mail: lozovaya00@bk.ru

THE IMPACT OF THE FAMILE ON THE FORMATION OF IDENTITY: OPPORTUNITIES AND RISKS

Mariya Lozovaya

laboratory assistant researcher, Kuban State Technological University,

Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Целью данного исследования является анализ влияния, которое оказывает институт семьи на становление идентичности ее членов. Данный процесс сопровождается рядом рисков, которые выявляются посредством анализа функций семьи. Использован метод анализа и синтеза теоретического материала. Выявлено, что семья играет непосредственную роль в становлении идентичности личности. Однако существуют некоторые неблагоприятные факторы, носящие внутренний и внешний характер.

ABSTRACT

The aim of this study is to analyze the influence that the institution of the family in the formation of the identity of its members. This process is accompanied by a number of risks. It's identified through the analysis of the functions of the family. The method of analysis and synthesis of theoretical material were used in this study. It was revealed that the family plays a direct role in the formation of personal identity. However, there are some negative inner and outer factors.

Ключевые слова: семья; функции семьи; социальная идентичность; риски идентичности.

Keywords: family; functions of the family; social identity; risks of identity.

Работа выполнена в рамках проекта «Идентификационные риски в полиэтническом пространстве региона», поддержанного грантом Президента РФ (МК-4165.2013.6)

Семья является первичным социальным институтом, который отвечает за усвоение ребенком необходимых и неотъемлемых норм и правил поведения. За этой клишированной фразой скрывается все многообразие семейных отношений и процессов, которые непосредственным образом оказывают влияние на развитие личности ребенка и других ее членов. Семья — это устойчивый социальный институт, существовавший во все времена и исторические эпохи в различных формах, которые имели свои особенности. Именно в семье и благодаря семье индивид обретает свою социальную сущность, происходит оформление и дальнейшее развитие его социальной идентичности. Рассмотрим, какие сложности могут встречаться на этом пути. Основой для определения рисков идентификации является классификация функций семьи.

Во все времена первичной функцией семьи был процесс деторождения. Не будем умалять значение других функций семьи, но деторождение является важнейшей, хотя бы в том плане, что без этого процесса прекратила бы свое существование человеческая цивилизация. Итак, в основе репродуктивной функции лежит потребность супружеской пары или одного из родителей (в случае неполной семьи) в детях. На возможность реализации этого желания влияют многие факторы, один из самых актуальных в нынешней ситуации — экономическое положение семьи и обеспеченность жильем. Однако обратимся к вопросам идентичности, связанным с деторождением. Так С.А. Русс и И.В. Владимирова [5, с. 156] обращают внимание на то, что порядок или позиция рождения ребенка в семье имеет важное значение. Авторы обращаются к концепции А. Адлера. А. Адлер выделил четыре позиции ребенка в семье по порядку рождения. Каждая позиция способствует формированию у ребенка какого-либо специфического качества. Позиция единственного ребенка делает его уникальным, т. к. у него нет других братьев и сестер, с которыми ему было бы необходимо соперничать. Такой ребенок много времени проводит с матерью и в некотором роде соперничает с отцом [5, с. 157].

«Главной особенностью этого стиля жизни становится зависимость и эгоцентризм. Чаще всего — это успешный ребенок с развитыми интеллектуальными способностями, эгоистичный, с недостаточно развитыми коммуникативными навыками, с отсутствием навыков заботы» [5, с. 157]. Как видно из описания данной позиции деторождения, есть вероятность воспитать эгоистичного человека, для которого его личное благополучие всегда будет стоять выше, чем даже потребности его близких людей. Адлер также вводит термин «детронизации», т. е. ситуации, обусловленной рождением в семье второго ребенка, когда внимание и забота родителей переходит с первенца на другого малыша, что часто приводит к сильному психологическому напряжению первого ребенка. Эта ситуация имеет и положительную направленность, которая выражается в том, что «этот опыт стимулирует когнитивное и мотивационное развитие старшего, т. к. ребенок старается быть хорошим, умным и успешным, чтобы вновь завоевать (или отвоевать) внимание и любовь и своих родителей». В подростковом возрасте у ребенка формируется идентичность, связанная с порядком его рождения, она может оказать существенное влияние на становление личности человека. Авторы статьи приводят выводы, полученные на основе эмпирических исследований, согласно которым подростки в возрасте 14—15 лет идентифицируют себя с позицией по деторождению, что формирует у них определенный набор качеств, обязанностей и привилегий [5, с. 160]. Таким образом, деторождение не является каким-то отвлеченным понятием, оно имеет важный психологический подтекст, оказывающий влияние на становление личности ребенка. Если родители не будут придавать значения описанным выше ситуациям и не обращать внимание на психологическое состояние детей, считая некоторые проявления поведения капризами, то ребенок может превратиться в эгоистичного высокомерного человека, переоценивающего свои способности, или в неуверенного в себе, вечно сомневающегося индивида. Возможен также вариант крайнего соперничества между младшим и старшим ребенком в семье, что будет сопровождаться психологической напряженностью и мешать построению нормальных отношений между ними.

Еще одной из важнейших функций семьи является социализация, в процессе которой членом семьи усваиваются нормы поведения, ценностные ориентации, культура и стереотипы. Все это происходит через подражание ребенком поведению взрослых, т. е. родителей. Важным аспектом социализации является усвоение ребенком феминных и мускулиных моделей своих родителей, т. е. формиро-

вание гендера, так называемого социального пола, что в свою очередь влияет на становление гендерной идентичности.

В процессе социализации человек усваивает или отвергает множество стереотипов, в том числе и полоролевые стереотипы. Семья является той средой, в которой человеку закладывается понимание того что значит быть мальчиком или девочкой, мужчиной или женщиной. Н.Ю. Ерофеева определяет гендерную идентичность как «базовое, фундаментальное чувство своей принадлежности к определенному полу/гендеру, осознание себя мужчиной, женщиной или существом какого-либо другого пола» [1, с. 90]. Данное чувство формируется, в первую очередь, посредством семьи и в семье. Гендер обуславливает роли, которым должны следовать индивиды. Это своеобразная модель поведения, задающая рамки, а находящийся в них человек выстраивает свои действия таким образом, чтобы его считали мужчиной или женщиной, негативное отклонение от заданных стереотипов поведения вызывает неодобрение в обществе. В работе «Половая принадлежность и гендерная идентичность подростков из семей различного типа» выделяют следующие структурные элементы половой социализации: система дифференциации половых ролей, система стереотипов маскулинности и феминности [7, с. 101]. Первый элемент включает в себя половое разделение труда, половые предписания, права и обязанности мужчин и женщин. Нетипичное поведение в обход указанных стереотипов вызывает негативные санкции со стороны общества, носящие неформальный характер в основном, что может выражаться в неодобрении окружающих, насмешках и даже оскорблениях. К примеру, стойкое неприятие в российском обществе к гомосексуальным отношениям и как следствие законодательное закрепление нормы, препятствующей попаданию в такие семьи приемных детей. Данный факт является примером формальной санкции относительно индивидов, в основе поведения которых не лежат стереотипы, нормы и ценности, отражающие культуру общества. Кризис идентичности может возникнуть «под влиянием социальных групп, несущих размытую дифференциацию пола. Вследствие этого может наступить состояние избегания межличностных отношений и излишняя поглощенность собой [7, с. 102]. Таким образом, субъект в процессе социализации усваивает социальные конструкты феминности и маскулинности, что определяет его поведение и формирование личности.

Часто ребенок бессознательно считывает информацию о поведении со своих родителей, и если речь идет о полоролевой идентичности, то он ориентируется на родителя одинакового с ним пола. Но если семья неполная и мать сама воспитывает сына,

то он лишен возможности выстраивать линию своего поведения на примере отца. Так в исследовании Е.А. Чижовой и О.Н. Романовой указывается, что если мать формирует негативный образ мужчины в глазах сына, то это напрямую негативно влияет на его успехи в адаптации, а также юноши часто имеют упрощенное стереотипное представление о стилях поведения и адаптации у мужчин и женщин [6, с. 175]. Еще более неблагоприятная ситуация обстоит с семьями, которые образуют партнеры одного и того же пола, то есть гомосексуальные пары. Проблема идентичности в таких союзах, субъективное восприятие себя партнерами в данных отношениях рассмотрены в работе Лукьянченко Н.В. «Семейная идентичность мужчин и женщин, состоящих в однополых союзах» [2, с. 37—42]. Не будем вдаваться в подробности о моральности и приемлемости данных отношений, скажем только, что особо напряженные дискуссии возникают в том случае, если в данные союзы попадают дети в процессе усыновления или другими путями. Проблема состоит в том, что ребенок, копируя поведение своих родителей, получает искаженную информацию о норме, о том, какой должна быть семья. Часто у детей, воспитанных гомосексуальными парами, возникают проблемы с их полоролевой идентичностью, а учитывая то, что дети достаточно ранимы, то непонимание и неприятие образа жизни его так называемых родителей другими людьми и детьми, с которыми общается ребенок в детском саду, школе, на детской площадке, может сказаться на психике ребенка. Представляется, что проблема психологического и морального здоровья детей является более приоритетной, чем потребность гомосексуальных пар иметь детей.

О более фундаментальных проблемах семьи говорит А.Р. Мажитова [4, с. 33]. Современные семьи столкнулись с неблагоприятными внешними воздействиями разного характера — культурного, экономического, например. Прослеживается снижение авторитета семьи, традиционные зарегистрированные браки вымещаются неформальными союзами, растет число неполных семей, все большее распространение получает позднее материнство [4, с. 34]. Это значит, что нарушается социализирующая функция семьи в целом, что представляет угрозу для формирования идентичности ребенка.

Благополучная семья выступает важнейшим фактором формирования личности человека. Удовлетворяя свои разнообразные потребности в семье и за ее пределами, человек нуждается в психологической поддержке, совете, понимании, так как наша современная жизнь перенасыщена стрессами. В связи с этим рассмотрим еще одну важную функцию семьи — психотерапевтическую, позволяющую членам семьи удовлетворять потребность

в симпатии, уважении, психологической поддержке и защите. Н.В. Лукьянченко соглашается с мнением социального психолога М. Аргайла и говорит о том, что «благополучная семейная жизнь составляет фундамент социальной поддержки и защищенности современного человека, давая возможность психологического выживания практически при любом уровне жизненного стресса» [3, с. 4]. Когда происходят нарушения в порядке или качестве внутрисемейного общения, включая детско-родительские отношения. «Источником большинства проблем, в том числе и тех, которые трактуются как личностные, является неполноценное общение» [3, с. 6]. Для преодоления этих проблем, индивиды должны обладать желанием договориться и культурой общения, что должно быть неотъемлемым элементом коммуникации в современной семье. Отсутствие указанных параметров общения в семье может привести к конфликту, и психологическому напряжению, и тогда реализация психотерапевтической функции будет невозможна.

Таким образом, было выявлено, что семья играет непосредственную роль в становлении идентичности личности. Однако существуют некоторые неблагоприятные факторы вне семьи, которые могут нарушить порядок реализации семьей ее функций и, соответственно, также являются рисками на путь формирования идентичности личности: тяжелое экономическое положение, снижение культурного уровня общества в целом, нестабильная политическая обстановка. Однако угрозы целостности семьи и возможность выполнения ею своих функций исходит не только от внешних угроз. Внешние неблагоприятные факторы оказывают свое влияние на внутрисемейные процессы, которые также могут быть патологиями, например, нежелание супругов иметь детей, нездоровый психологический климат в семье вследствие индивидуальных качеств членов семьи — возможно, молодые люди переоценили свои чувства и поспешили с принятием решения о вступлении в брак и создании семьи. Также неблагоприятным внутренним фактором является то, что родители недостаточно внимания уделяют своим детям, вследствие чего функции социализации, психологической поддержки не реализуются в необходимом объеме. Все названные выше неблагоприятные факторы внутреннего и внешнего характера сказываются на том, как современная семья справляется со своими обязанностями, что подразумевает множество рисков и возможностей одновременно.

Список литературы:

1. Ерофеева Н.Ю. Влияние гендерной культуры семьи на самоопределение личности // Вестник Удмуртского университета. — 2012. — № 2. — С. 90—93.
2. Лукьянченко Н.В. Семейная идентичность мужчин и женщин, состоящих в однополых союзах // Вестник МГОУ. — 2011. — № 4. — С. 37—43.
3. Лукьянченко Н.В. Семья как объект гуманитарного знания // Современные исследования социальных проблем. — 2012. — № 12. — С. 1—14.
4. Мажитова А.Р. Семья как фактор идентификации личности в условиях глобализации // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 4. — С. 32—36.
5. Русс С.А., Владимирова И.А. Порядок рождения как фактор развития идентичности // Образование и саморазвитие. — 2012. — № 5. — С. 156—161.
6. Чижова Е.А., Романова О.Н. Взаимосвязь полоролевой идентичности и механизмов адаптации подростков из неполных семей // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2008. — № 3. — С. 172—177.
7. Шабанов Л.В., Шелехов И.Л., Рубан Н.Н. Половая принадлежность и гендерная идентичность подростков из семей различного типа // Вестник ТГПУ. — 2009. — № 6. — С. 100—103.

2.3. СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

РОССИЯНЕ О БЕЛОРУСАХ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Муха Виктория Николаевна

*канд. соц. наук, доцент ФГБОУ ВПО КубГТУ,
г. Краснодар*

E-mail: v.mukha@bk.ru

Самсонкина Елена Александровна

*лаборант-исследователь ФГБОУ ВПО КубГТУ,
г. Краснодар*

E-mail: elenagevaro@yahoo.com

RUSSIANS ON THE BELARUSIANS: EXPERIENCE IN SOCIAL RESEARCH

Mukha Viktoria

*candidate of sociological sciences, associate professor
of Kuban State Technological university,
Krasnodar*

Samsonkina Elena

*assistant of Kuban State Technological university,
Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования, целью которого являлось изучение представлений россиян о белорусском народе. Использован метод свободных ассоциаций и анкетный опрос. Определено, что в представлениях россиян преобладают положительные характеристики белорусского народа и Беларуси.

ABSTRACT

The article presents results of research the purpose of which was to study the views of Russians about the Belarusian people. The method of free association and a questionnaire were used. It was determined that in the views of Russians dominated the positive characteristics of the Belarusian people and Belarus.

Ключевые слова: представления; этнические стереотипы; предрассудки.

Keywords: presentation; ethnic stereotypes; prejudice.

Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 12-23-01000 а(м)) «Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в союзе Беларуси и России» (РГНФ),

Представления о различных этнических группах, отличных от собственной, могут складываться, в том числе, с помощью этнических стереотипов. Под закрепившимся в общественных науках понятием «национальный (этнический) стереотип» обычно понимается схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощенное (иногда одностороннее или искаженное) знание об особенностях, поведении представителей конкретного народа и на основе которого складывается устойчивое, эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе [4, с. 36].

Возникают стереотипы в результате: конкретизации — стремление к пояснению абстрактных, трудно усваиваемых понятий через какие-то реальные образы, доступные для индивида, членов данной группы; упрощения — происходит выделение простых признаков в качестве основополагающих для раскрытия сложных явлений [3]. Стереотип во многих случаях является примитивным суждением, с принятием которого происходит навешивание «ярлыка» на многовариантный образ.

Стереотипы оказывают непосредственное влияние на поведение и деятельность людей и получение ими нового опыта; возникают чаще всего стихийно; служат защите сложившихся традиций и представлений; несут в себе оценочный элемент в виде эмоционального отношения к объекту, но в то же время однозначны: «да» или «нет», «свой» или «чужой», т. е. или негативны или позитивны; экономят мышление и суммируют исторический опыт; предельно устойчивы, но в то же время и изменяемы; могут

основываться на близких к действительности представлениях, могут быть абсолютно ложными [2, с. 48].

Этнические стереотипы подразделяются на автостереотипы — мнения, суждения, оценки, которые относятся к своей этнической общности ее представителями; гетеростереотипы — представляют собой совокупность оценочных суждений о других народах. Обычно они скудны по содержанию и выражают лишь мнение о наиболее отчетливо проявляющихся чертах той нации, о которой идет речь, не претендуя на исчерпывающую их характеристику.

В настоящее время проводятся различные исследования, направленные на изучение представлений, образов различных этнических групп. Одной из таких групп, к которой проявляется интерес со стороны исследователей, является белорусская. Причем, исследователей интересует не только образ белорусов, но и отношение населения к российско-белорусскому союзу.

Так, например, по результатам исследований, проводимых всероссийским центром изучения общественного мнения и Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь, большинство граждан Беларуси (81 %) считают, что интересам Беларуси больше всего соответствует тесное сотрудничество с Россией [1, с. 3]. Аналогично, три четверти граждан России высказались за дальнейшее сближение двух государств.

Граждане Беларуси (51 % опрошенных) считают, что выстраивать отношения с Россией необходимо на основе сохранения независимости государства, за равноправный союз двух государств с созданием наднациональных органов управления выступает 41 % респондентов. Жители России (40 %, участвовавших в опросе) рассматривают российско-белорусский союз в форме объединения двух государств в одно на равноправной основе [1, с. 6]. Треть жителей России выступают за хорошие, добрососедские отношения, но без объединения государств. То есть не наблюдается негативное отношение к белорусскому государству, в целом. В связи с подобными результатами и приобретающими популярность разговорами о возможном объединении двух стран интересными являются мнения, представления россиян о гражданах Беларуси.

Для определения стереотипного образа белорусов в представлениях россиян было проведено социологическое исследование (проект «Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в союзе Беларуси и России» (РГНФ, проект № 12-23-01000 а(м)). В качестве респондентов выступили жители Краснодарского края, выборочная совокупность

1200 человек, ошибка выборки $\pm 3\%$, использовался метод анкетного опроса.

В ходе исследования было установлено, что только 25 % опрошенных бывали в Беларуси, причем 67 % из них бывали в Беларуси более десяти лет назад, 75 % респондентов — подавляющее большинство — никогда не были в этой стране. Однако, не смотря на это, опрошенные респонденты могут выделить и выделяют основные объединяющие две страны признаки: историческое прошлое (56 %), схожие традиции, ценности, культура (41 %), а также черты характера (менталитет — 31 %).

Аналогичным образом, в сравнении с результатами опросов жителей других регионов страны, жители края в своем большинстве (55 %) полностью поддерживают курс на сближение между двумя странами, и только 4 % граждан выступают против подобного сближения. Причем, данное сближение связано с совпадением экономических, политических и международных интересов.

В свою очередь, не смотря на положительное отношение к сближению двух государств, единство непосредственно с гражданами Беларуси в полной мере ощущают только 17 % опрошенных жителей края, 29 % респондентов ощущают единство с белорусами, но в определенной степени и 46 % респондентов не ощущают единства вообще.

Дальнейшие вопросы были направлены на непосредственное изучение стереотипных образов белорусов, представлений граждан России об указанной этнической группе. Респондентам был предложен список качеств. Было установлено, что россияне характеризуют своих соседей как сплоченных (21 %), коллективистов (18 %), зависимых (18 %), трудолюбивых (17 %), отзывчивых (18 %). Необходимо отметить, что в целом, в сознании опрошенных преобладает позитивный образ белорусского народа.

Для выявления образа Беларуси в сознании россиян был использован метод свободных ассоциаций: респонденты должны были вписать в бланк анкеты пять основных ассоциаций, возникающих при упоминании о Беларуси. Полученный список ассоциаций был разбит на следующие категории.

1. Характеристики самой страны: в общем массиве данные ассоциации составили 59 %. В данной категории можно выделить такие подкатегории как природно-географические характеристики (*Беловежская пуца, леса, реки, поля, просторы и др.*) — 11 %; политико-правовые характеристики (*Президент, А. Лукашенко, батька, авторитаризм*) — 25 %; экономические характеристики (*безработица, бедность, товары хорошего качества и др.*) — 23 %.

2. Описательные характеристики белорусского народа: *бедные люди, глупые, ленивые, хитрые, трудяги, добрые (дружелюбные) и др.* — 20 %.

3. Исторические события (*Великая Отечественная война, распад СССР, партизанское движение и др.*) — 9 %.

4. Культурные особенности, традиции (*богатый язык, одни традиции, ценности, одна вера и др.*) — 5 %

5. Собственное мнение респондентов в отношении Беларуси и ее граждан (*сестра России, Родина (родная земля), братья славяне, единые народы и т. д.*) — 2 %.

Таким образом, анализ ассоциаций позволяет сделать вывод, что образ Беларуси в представлениях россиян формируется из природно-географических, политико-правовых, экономических характеристик и описательных характеристик представителей белорусского народа.

В ходе исследования выяснилось, что опрошенные жители края не против дальнейшего сближения двух государств, причем некоторые выступают за создание совместного государства, не смотря на то, что в полной мере единство с белорусами ощущают не все опрошенные. Многие респонденты не посещали Беларусь, но относятся как к государству, так и к гражданам неплохо. Указывая на общее прошлое, традиции, религию, называя братской страной, дружественным государством, с которым необходимо поддерживать дружественные отношения. Также, было установлено, что белорусов как близких родственников и друзей могут воспринимать 27 % и 35 % респондентов, соответственно, что говорит о достаточно небольшой социальной дистанции между представителями двух народов и об отсутствии негативных установок по отношению к белорусам. Белорусов, в качестве соседей по дому, могут воспринимать 14 % респондентов и 11 % опрошенных могут воспринимать граждан Беларуси как коллег по работе и гостей страны.

Что касается стереотипных образов, которые были выделены с помощью ассоциаций, то в представлениях россиян, в целом, преобладают положительные характеристики белорусского народа и государства.

Список литературы:

1. Российско-белорусский союз: объединяться или просто дружить // Пресс-выпуск информационно аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь. — 2009. — № 14. — С. 1—6.
2. Рочева А.В. Региональное измерение межэтнических отношений и этнокультурных процессов // Сборник конференции НИЦ: «Социосфера». — 2011. — № 36. — С. 47—49.
3. Ткаченко Н.В. Этнонациональные установки и этнические предубеждения: проблема взаимосвязи [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.vestnik-mgou.ru/mag/2009/psy/1/st19.pdf> (дата обращения: 06.05.2013).
4. Федюнина С.М. Межэтнические социально-культурные отношения и процессы в современном мультикультурном обществе // Власть. — 2012. — № 3. — С. 34—38.

**СЕКЦИЯ 3.
ФИЛОСОФИЯ**

**3.1. ФИЛОСОФИЯ
И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**ФИЛОСОФСКОЕ И БОГОСЛОВСКОЕ ПОНИМАНИЕ
КУЛЬТОВО-ОБРЯДОВЫХ ПРАКТИК**

Кобрын Михаил Степанович

*аспирант кафедры теории и истории культуры
Львовского национального университета им. Ивана Франко,
г. Львов*

E-mail: kobryn_m@bigmir.net

**PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL
UNDERSTANDING
OF CULT AND RITUAL PRACTICES**

Kobryn Mykhaylo

*post-graduate student of the Department of History and Culture
of the Ivan Franko National University,
Lviv*

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — исследование гносеологического разнообразия философской и богословских дисциплин по вопросам культово-обрядовых практик. В статье используются компаративный и герменевтических методы исследования. Выявлены различия в подходах к пониманию, а также показано изучение культово-обрядовых практик по стороны философско-религиоведческого, а также богословского комплекса дисциплин. Исследование показало, что для полного и объективного исследования культово-обрядовых

практик необходимо использовать оба комплекса дисциплин с их соображениями и подходами.

ABSTRACT

The purpose of the article is to explore the epistemological diversity of philosophical and theological disciplines regarding matters of cult and ritual practices. In this paper comparative and hermeneutic methods are used. The article reveals differences in approaches to the understanding and study of cult and ritual practices on the part of philosophical and religious studies, as well as complex theological disciplines. The study has found that for a full and impartial investigation of cult and ritual practices both complex disciplines with their understandings and approaches should be used.

Ключевые слова: богословие, философия религии, исследования культово-обрядовых практик, ритуалы, компаративный анализ.

Keywords: Theology, Philosophy of Religion, the study of cult and ritual practices, rituals, comparative analysis.

Человечество с начала существования культуры и осознания разумности своей экзистенции начало осознавать и чувствовать связь с трансцендентным, с существованием духовной стороны жизни. Зарождались определенные культы поклонения высшим силам, которые впоследствии в христианстве получили формы литургического служения Творцу. Также данные религиозные феномены интересовали ученых разных исторических эпох, которые их описывали и старались осмыслить. Многие путешественники во время своих странствий становились свидетелями ритуалов различных чуждых им религий и просто описывали их. В свою очередь представители и руководители своей религии старались осмыслить и выстроить систему культовых поклонений трансцендентному. Если говорить о европейском культурном регионе, в котором с эпохи Средневековья преобладал христианской дискурс, то культово-обрядовые практики были в пределах данной религии, которая контролировала тогдашние центры. С развитием политики секуляризации в европейских странах с XVII в. научные исследования начали выходить из-под влияния церкви. И данный процесс привел к тому, что с середины XIX в. начала формироваться такая наука, как религиоведение.

Если говорить о постсоветском пространстве, то отечественная научная мысль формировалась в условиях Советского Союза, в котором доминирующее положение в науке среди религиоведческих дисциплин занимал научный атеизм. Исследования того времени

имели апологетический характер с точки зрения своей доктрины и содержали тотальную критику любых религиозных взглядов. Конечно, следует отметить, что были единичные случаи очень качественных богословско-религиоведческих исследований, таких исследователей как отец Александр Мень. Но хотя большинство его произведений были написаны в коммунистические времена, опубликованы они были только во время перестройки.

Также следует отметить, что в диаспоре за рубежом среди российской и украинской интеллигенции формируется целая плеяда ученых, которые занимались религиоведческими и богословскими исследованиями. В таких центрах, как например Париж, писали свои произведения Николай Бердяев, Александр Шмеман, Сергей Булгаков. Также, например в Мюнхене, украинская диаспора открыла Свободный университет, в котором создавали свои произведения Александр Кульчицкий, Дмитрий Чижевский, Иван Мирчук и др.

Данная ситуация обусловила возникновение определенной конфронтации в постсоветском научном пространстве, так как с одной стороны мы видим исследователей, опирающихся на коммунистически атеистическую научную традицию, таких как Евграф Дулуман. С другой стороны есть исследователи, которые в своих исследованиях опираются на богословскую и, в частности, диаспорную традицию, такие как Андрей Кураев, Юрий Черноморец и т. д.

Цель данной статьи — показать авторское видение компаративного анализа подходов к изучению культово-обрядовых практик со стороны философско-религиоведческой и богословских дисциплин.

В современном постсоветском социокультурном пространстве важную роль играют традиционные церкви и их культово-обрядовая деятельность. Особенно это заметно во время праздничных периодов Рождества и Пасхи, которые на законодательном уровне признаны государственными. Можно наблюдать, как массово в эти дни люди посещают церкви, политики в видеороликах поздравляют людей с праздником, проходят различные массовые мероприятия на улицах городов и т. д.

Феномен интериоризации обрядности в функционировании социума должен философски осмысливаться учеными-религиоведами. В частности, с учетом развития богословия в отечественном научном пространстве, которое признано властями на государственном уровне, возникает также проблема компаративного исследования понимания культово-обрядовых практик в рамках философских и богословских дисциплин.

Философское осмысление культово-обрядовых практик относится к сфере философии религии и непосредственно к праксеологии религии.

Зато богословская рефлексия над культово-обрядовыми практиками относится к пасторальному богословию и, в частности, к литургическому богословию.

Понятие *культ* происходит от лат. “cultus” — поклонение, почитание. В религиозно-философской литературе культ определяется как совокупность символических действий, обусловленных религиозными представлениями [3, с. 89]. В контексте праксеологии религии культ целесообразно рассматривать как реализованную «живую догматику» или как религиозное представление и догматы в действиях. Перефразируя положения известного голландского историка К. Тиле, заметим, что культ — это исповедание через слова и дела, это и есть средство раскрытия религии [1, с. 264].

В христианском богословии понятие культа часто заменяется понятием литургии. Этимология данного слова происходит от греч. “λειτουργία” — *служение, общее дело*. Это понятие и приобрело культовое значение, поскольку культ тоже считается делом, касающимся всех. Литургия означает общее религиозное богослужение, касается всего общества, которое служит связью и диалогом человека с Богом [4, с. 5—6]. Данный термин начали отождествлять с непосредственным отправлением тайны Евхаристии, и в этом смысле в восточной традиции «литургия» соответствует понятию «месса» в западной, хотя следует отметить, что среди богословов есть дискуссия, с каким из богослужений относить термин «литургия» [2, с. 31—32]. Одни богословы считают, что к литургии можно причислять только те богослужения, которые входят в дневной, недельный, месячный и годовой круг богослужений и прописаны в таких книгах, как часослов, минеи, Октоих и т. д. Другие же богословы отмечают, что не обязательно, чтобы только эти богослужения относить к литургии, также сюда следует относить публичные богослужения, такие как совместный акафист, молебен, розарий, крестный путь и т. п., которые происходят не индивидуально, а в обществе.

Разницу в определениях понятия культово-обрядовых практик в философских и богословских дисциплинах можно выделить в нескольких пунктах:

1. Пользуясь богословской терминологией, можно сказать, что религиоведы пользуются анабатическим подходом, который еще определяется как латретический аспект, т. е. состоит в аспекте поклонения и определяет культ по восходящей траектории (от человека к объекту поклонения). В свою очередь, богословы в большинстве своем используют катабатическим подходом, который определяется как сотерический аспект, т. е. аспект искупления

и определяет культ по нисходящей траектории (от объекта поклонения к человеку).

2. Общество рассматривает культово-обрядовые практики, как базирующиеся на мнимо-мифологической основе. Богословие, в свою очередь, рассматривает культово-обрядовые практики, как установленные Высшими силами, а значит, на наиболее истинной основе.

3. В религиоведении культово-обрядовые практики рассматривают как некий церемониальный комплекс (внешнее поведение), который базируется на доктринальной основе и является вторичным относительно доктрины. Богословское направление интерпретирует культово-обрядовые практики как диалог с Высшим миром (внутренние переживания), который базируется на личном переживании трансцендентного и является первичным относительно доктрины.

Рассматривая научный потенциал отечественных религиоведов, можем утверждать, что большинство из них, например профессор Колодный, считают что «культовая особенность является основой конфессиональной дифференциации». В свою очередь, богословы определяют литургическую практику как одну из платформ для конфессионального объединения, например проведение общих молитв, молебней и т. д.

Хотя в пределах религиоведения определяется, что культовая деятельность наиболее предметно проявляется в молитвенной (литургической) практике, все литургические действия (молитвы индивидуальные и соборные, песнопения, исповеди и др.) являются самыми глубокими по содержанию способами воплощения сакрального, способами, в которых ритуальные акты актуализированы и находят адекватное праксиологическое оправдание. Содержательное наполнение любого литургического действия можно раскрыть следующим образом: в своем обращении к Богу (конечно же, если молитва предстает в ипостаси общения индивида с ним) Человек пытается сконцентрироваться в стремлении как можно удалиться, отделиться от мира обыденности «священной завесой» [1, с. 265].

Всего для полного и всестороннего рассмотрения исследования феномена культово-обрядовых практик в религии следует использовать как философские, так и богословские подходы. Это касается как общеобразовательных теоретических, так и конкретно-исторических феноменов культово-обрядовых практик. Так как при использовании философских подходов в изучении культово-обрядовых практик формируется объективный и общий образ объекта исследования, в свою очередь с помощью богословских

підходів в изученні об'єкта дослідження можна раскрыть внутрішню глибину культово-обрядових практик.

Список литературы:

1. Академічне релігієзнавство. За наук. реда. проф. А. Колодного. К.: Світ Знань, 2000 — 862 с.
2. Кунцлер М. Літургія Церкви/ Пер. з нім. Монахині Софії. Львів: Свічадо, 2001 — 616 с.
3. Релігія в сучасному світі: Матеріали до курсу релігієзнавство. За ред. Г. Зімоля/ Пер. з пол. Г. Теодорович. Львів: Свічадо, 2007. — 504 с.
4. Соловій Мелетій М. Божественні Літургія: Історія — розвиток — пояснення. Львів: Свічадо, 1999 — 440 с.

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ЦАРСТВОВАНИЕ В ФИЛОСОФИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Мартынова Ольга Александровна

канд. филос. наук,

доцент Пензенского государственного университета (ПГУ),

г. Пенза

E-mail: martoa@mail.ru

IVAN THE TERRIBLE AND HIS REIGN IN THE PHILOSOPHY OF SLAVOPHILES

Olga Martynova

candidate of philosophical sciences,

associate Professor of Penza State University,

Penza

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена философско-историческим взглядам ранних славянофилов, в частности, на проблему выдающейся личности и ее роли в истории России. В центре внимания автора их представления о личности и эпохе Ивана Грозного, о характере царя, его действиях и роли в развитии России. Выявлена степень объективности взглядов славянофилов, их соответствия историческим фактам.

ABSTRACT

The article is devoted to the philosophical and historical views of the early Slavophiles, in particular, on the problem of the outstanding personality and its role in the history of Russia. The author focuses on their perceptions of the personality and the epoch of Ivan the terrible, on the nature of the king, his actions and role in the development of Russia. Revealed a degree of objectivity of the views of the Slavophiles, their consistency with historical facts.

Ключевые слова: славянофилы; выдающаяся личность; Иван Грозный; Земский Собор; oprichnina; народ; соборные ценности.

Keywords: Slavophiles; outstanding personality; Ivan the terrible; Zemsky Sobor; oprichnina; people; the conciliar values.

С именами ранних славянофилов — А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина — многие исследователи связывают формирование русского национального самосознания и начало русской философии истории, в основе которой лежит мессианиззм. В своей работе мыслители часто использовали факты русской истории, привлекали для подтверждения взглядов исторические источники, которые активно изучали и издавали. При формировании философско-исторических взглядов славянофилы опирались на труды современных им историков, данные этнографических исследований, труды христианских богословов, учения немецких философов-классиков. Они не могли обойти своим вниманием такой важный философско-исторический вопрос, как роль личности в истории.

Роль выдающейся личности в истории России понимается славянофилами двояко. С одной стороны, божественная воля проявляется в истории не сама по себе, а через деятельность людей и народов. Человек — свободное, мыслящее и деятельное существо, поэтому развитие человечества — соавторство божественной воли и человеческой активности. А.С. Хомяков говорит, что «прогресс есть слово, требующее субъекта» и потому должен быть «прогрессом существ живых, а не отвлеченностей» [8, с. 459]. Ему вторит К.С. Аксаков, полагая, что «преемство идей, по существу своему, должно совершаться в духе человеческом» [3, с. 420].

С другой стороны, даже самая выдающаяся личность действует не сама по себе, а как выразитель более могущественных сил — божественной воли (так, говоря о смерти сына Ивана Грозного от руки отца, А.С. Хомяков предполагает, что «Богу было неуютно, чтобы преемник Грозного царя был ему подобен [11, с. 54]) или народных стремлений. По словам К.С. Аксакова, нельзя «все величие многовековых подвигов и трудов народных приписать одному человеку, хотя бы и гениальному» [3, с. 445]. Ни один человек не может быть полным представителем своего народа, ведь народ сложен и многогранен. «Чем одностороннее народ, тем легче быть его представителем» [9, с. 240], — писал А.С. Хомяков. Великие исторические события или просто счастливая жизнь страны — всегда результат совпадения деятельности великих людей с народными стремлениями. В истории России, по мнению мыслителей, личность

играет довольно скромную роль. Все они разделяли убеждение, что история России была историей не отдельных личностей, а цельной, единой русской земли и ее населения. «Личность в русской истории играет вовсе небольшую роль; — писал К.С. Аксаков, — принадлежность личности — необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ее — и нет у нас...» [2, с. 320]. Именно по этой причине — отсутствия гордости и высокомерия у русских людей — в России, по словам И.В. Киреевского, никогда не было аналога европейского рыцарства.

В трудах славянофилов нет ни одной детальной характеристики выдающихся личностей, живших ранее XVI века. На первый взгляд кажется странным, что, детально анализируя процесс становления русского государства, мыслители оставляют без внимания жизни и характеры таких людей, как Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Владимир, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, митрополит Илларион, Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, Иван III, Софья Палеолог, Максим Грек, Василий III, Елена Глинская и др. Это тем более непонятно, если учесть, что жизнеописания многих из них присутствуют в трудах Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, Н.М. Костомарова, С.М. Соловьева. Возможно, что причиной подобного умалчивания было стремление славянофилов заново переосмыслить историю России и роль в ней выдающихся деятелей, либо установка, что главный герой русской истории — народ. Свою роль мог сыграть и индивидуальный интерес славянофилов, не имевших ни специального исторического образования, ни цели воссоздать последовательность исторических фактов. Общеизвестно (и признано самими славянофилами), что они не ставили целью точное воспроизводство исторических фактов, считая главной целью изучения истории России объяснение ее современного состояния и определение перспектив развития.

Личностью, охарактеризованной славянофилами наиболее детально, был Иван Грозный. Именно его мыслители считали основателем Российского государства нового типа. Как писал К.С. Аксаков, «приняв титул царя, Иоанн IV порешил с удельною, княжею эпохою. Только тогда было заявлено, так сказать, торжественно, что Россия приняла новый государственный вид; тогда только было почувствовано и выражено, что Россия сложилась и является новым политическим телом» [1, с. 490]. Именно во времена Ивана Грозного, по мнению славянофилов, установился порядок отношений народа и государства: правительству — сила власти,

земле — сила мнения. Возможно, по этой причине данная эпоха рассматривается ими очень подробно.

Описание характера царя поразительно совпадает с его характеристикой, данной позже В.О. Ключевским в «Исторических портретах». Мнение Ключевского не может считаться единственно правильным, но сам факт, что мнения славянофилов совпадают с позицией профессионального историка, к тому же придерживающегося иных, чем они, методологии и социально-политический убеждений, говорит о многом.

Говоря о характере царя, все — и славянофилы, и современные им историки, и ученые более позднего периода — отмечают факт его крайне тяжелого детства: постоянной стесненности в средствах, страха перед заговорами, наблюдения разврата и кровопролития. Воспоминания об этом сохранились у него на всю жизнь и наложили на его личность серьезный отпечаток. По словам В.О. Ключевского, «от природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие» [5]. По словам А.С. Хомякова, это привело к тому, что у будущего царя сложились «душа страстная, но развращенная с детства; ум необычайный, но не освященный знанием обязанностей человеческих» [10, с. 30].

Далее славянофилы подробно рассматривают, в чем же заключалась эта «неестественность». Они отмечают его ненормальную подозрительность. Как писал К.С. Аксаков, «подозрительный и раздражительный Иоанн воображал себя в полной неволе, ему казалось, что его оскорбляют на каждом шагу, держат, как младенца..., всякое слово совета и укоризны было слито с изменой в глазах Иоанна» [3, с. 447]. Подтверждением этого являются факты многочисленных казней по подозрению в измене разгром Новгорода (опять же, по подозрению). С одной стороны, славянофилы отмечали неограниченный произвол Ивана Грозного, с другой подмечали его необыкновенную робость, постоянный страх, недоверие к своей стране, к своему народу (которое они считают совершенно незаслуженным).

Также мыслители выделяют склонность Ивана Грозного к демонстративным поступкам, стремление возвыситься над людьми, показать свое превосходство, даже путем унижения. По словам А.С. Хомякова, «самое его покаяние, пышное и всенародное, было окружено блеском торжества» [10, с. 51]. К.С. Аксаков вспоминает любопытный случай: Иоанн вдруг сделал Симеона Бекбулатовича

государем всея России с титулом Великого князя, сам назвался Иваном Московским и ходил, как простой боярин. «Здесь — писал мыслитель — видим полнейшее самоощущение безграничной, чистой власти, ... власть, облекшуюся в образ подчиненности, но тем сильнее чувствующую всю свою силу и безграничность» [3, с. 456].

Еще одна черта Ивана Грозного, которую отмечали славянофилы — обостренное чувство красоты. «Иоанн IV был природа художественная, художественная в жизни. Образы являлись ему и увлекали его своей внешней красотой; он художественно понимал добро, красоту его, понимал красоту раскаяния, красоту доблести, — и наконец самые ужасы влекли его к себе своей страшной картинностью» [3, с. 451], — писал о нем К.С. Аксаков. А.С. Хомяков также полагал, что в первый период своего царствования царь творил добрые дела, потому что понимал их красоту.

Однако главной чертой характера Ивана Грозного славянофилы считали полное отсутствие нравственных ориентиров и внутренней уравновешенности. Так, по словам А.С. Хомякова, «Царь Иван Васильевич не мог любить: чувство любви человеческой, любви христианской было ему незнакомо» [10, с. 51]. Позже В.О. Ключевский подтвердил эту мысль, говоря, что царь был способен не на любовь, а на безотчетную, болезненную привязанность, которая соединялась с недоверием. Из-за этого все, даже положительные качества царя предстают в мрачном, даже зловещем свете. Его гордость, стремление к проявлениям высшей власти легко переходит в самоуничижение. «Умевши быть гордым при успехе, Иоанн не мог сберечь своего достоинства, как скоро счастье повернулось к нему спиною» [3, с. 454], — писал К.С. Аксаков. «Людоед со своими подданными и низкий трус пред иноземными врагами» [9, с. 249], — вторил ему А.С. Хомяков. Эстетическое чувство царя также было извращенным. По словам К.С. Аксакова, даже понимая красоту добра, Иван Грозный, как и всякий безнравственный человек, рассматривал ее абстрактно, безотносительно к своей жизни. Кроме того, безнравственный человек видит красоту не только добра, но и зла. Массовые казни представлялись царю столь же красивыми, как и собрание земских и духовных представителей. Религиозное чувство царя, не окрашенное нравственностью, также было по сути бесполезным. «Он вдруг кидался за помощью к обрядам Церкви, жил как игумен, молился, изнурял себя, клал поклоны, но сила молитвы была потеряна» [2, с. 448]. Правда, К.С. Аксаков считал, что православие было силой, напоминающей царю о совести и добре, которые все же существовали в его сознании, в нем он «чувствовал свою

внутреннюю мерзость и не имел сил или лучше не имел воли подняться! «Угрызение совести без раскаяния» — так определяет прекрасно Карамзин состояние души Иоанна» [3, с. 448].

Славянофилы вслед за современными им историками делили царствование Ивана Грозного на два этапа: 1547—1560 гг. и 1560—1584 гг. Первый этап они справедливо считают очень продуктивным и способствующим процветанию России. На этом этапе было принято много мер, способствующих укреплению централизованного государства: принят новый судебник, учрежден Земский собор, создана регулярная армия, ликвидированы кормления, учреждена приказная система, вотчинная система землевладения заменена поместной, ограничен переход крестьян. Наибольшее внимание славянофилов привлекают судебник, Земский Собор и ограничение перехода крестьян.

А.С. Хомяков в своей работе «Тринадцать лет царствования Ивана Васильевича» подчеркивает демократичность принятия и содержания судебника. Он был принят Земским собором и давал право городам и волостям избирать старост, целовальников, присяжных, осуществляющих суд вместе с царскими наместниками (правда, мыслитель забывает добавить, что тот же судебник закрепил неподсудность бояр суду наместников и присяжных).

Земский Собор, как и титул царя, славянофилы считали символом новой централизованной России. В них, по словам А.С. Хомякова, «участвовали все чины, от высшего духовенства и боярства до мещан и людей посадских. И все чины пользовались равными правами...; приговор полагался единодушно, но писался от каждого чина особенно... Основую мнения были не личные, шаткие и произвольные понятия,... но древний обычай, который один для всех русских, и прямой закон Божественный, который один для всех православных» [10, с. 34—35]. При Иване Грозном Земский собор решал вопросы о продолжении Ливонской войны, о мире с Польшей. При последующих царях Земские соборы созывались довольно часто и решали такие вопросы, как присоединение Малороссии, создание монастырского приказа и др. Таким образом, Земский собор представляется славянофилам как собрание народных представителей, реально разделяющих с царем бремя власти, а в трудные для страны моменты берущих власть (которая для славянофилов является синонимом ответственности) на себя. Поэтому Иван Грозный представляется как основатель (точнее, реформатор, так как он всего лишь облек в новую форму то, что существовало уже давно) основополагающего компонента Российского государства — народного мнения на службе царской власти. Славянофилы признают,

что влияние Земских соборов на царя было чисто нравственным. Это подтверждает В.О. Ключевский: «на земских соборах не бывало и помину о политических правах; еще менее допускалось их вмешательство в государственное управление; характер их всегда оставался чисто совещательным; созывались они, когда находило то нужным правительству;... часто из соборных совещаний даже не выходило никакого постановления» [6]. Сильно преувеличена славянофилами и демократичность Земских Соборов. В.О. Ключевский приводит данные о составе второго Земского собора, созванного в 1566 г. [6], из которых видно, что состав Земского собора не был демократичным, его члены не были избранными представителями своих социальных групп. Таким образом, Земский собор был не органом сословного представительства, а собранием служилых людей и отдельных дворян (тоже находящихся на службе у царя) и богатых купцов, приглашаемых царем от случая к случаю и послушных его воле. Однако, в отличие от знаменитого историка, славянофилы все же считают, что Земские соборы играли положительную роль. По словам Хомякова, Земская Дума «утверждала власть, связуя воедино волю государя с обычаем и нравственным чувством народа» [10, с. 35].

Еще одно спорное нововведение Ивана Грозного — ограничение перехода крестьян и фактическая ликвидация холопства. Славянофилы видели в этом явлении необходимость, способствующую прогрессу (за что и получили клеймо консерваторов — крепостников). А.С. Хомяков объясняет свою точку зрения тем, что в результате расширения границ России крестьяне часто бежали на завоеванные окраины и жили там, не признавая закона и власти. Это привело к опустению центральных районов страны и росту беспорядков на окраинах. Поэтому закрепощение крестьян способствовало централизации государства, стабилизации налоговых поступлений, соблюдению законов. Это доказывает, что государственная власть осознала необходимость единства и начала создавать его намного раньше, чем это понимание пришло к народу. Славянофилы полагали, что меры по ограничению передвижения крестьян в конечном счете соответствовали интересам как землевладельцев, так и работников. Тот факт, что эти законы были в большей степени выгодны землевладельцам, Хомяков объясняет тем, что землевладелец в отношениях с работниками — более уязвимое лицо, так как не заинтересован в потере рабочей силы. Кроме того, землевладелец, в отличие от работников, не может уклониться от исполнения договора, прямо не нарушая закон (в отличие от крестьян, которые могут просто не работать). Уничтожение Иваном

Грозным института холопства, обязательство наделять холопов землей также вызывало одобрение славянофилов, так как безземельный крестьянин со временем неминуемо рвет связи с общиной и становится аналогом европейского пролетария, беззащитного перед любым произволом.

Результатом этой мудрой политики стали закономерные военные победы: завоевание Казанского и Астраханского ханств (осколков Золотой Орды), разгром Ливонского ордена. На первый взгляд кажется странным, что славянофилы — известные противники насилия — воспевают военные победы. Однако, по мнению А.С. Хомякова, Россия в этот период (как, впрочем, и всегда) воевала исключительно в силу необходимости. Татарские ханства были постоянным источником опасности для восточных и южных границ России, а Ливонский орден, давно превратившийся из собрания миссионеров в скопище разбойников — для западных. А.С. Хомяков отмечает, что не только русские, но и иностранцы признавали действия России в отношении Ливонского ордена справедливыми.

Также для данного этапа характерно расширение внешне-политических связей (в частности, с Англией) и культурный подъем. По словам мыслителей, царь, будучи одним из самых образованных людей своего времени, много раз пытался пригласить в страну ученых из Европы, но эти мероприятия срывались из-за козней вражески настроенных Польши, Литвы и др. Подобная зависть Европы и ее сопротивление сближению с Россией была закономерным следствием усиления Российского государства.

Каким же образом подобная продуктивная политика зависела от личных качеств царя? Славянофилы полагали, что Россия в то время процветала скорее не благодаря, а вопреки личности Ивана Грозного. В этот период царь находился под сильным влиянием Сильвестра и А.Ф. Адашева, которые и внушили ему необходимость согласования действий царя с христианскими законами и народным духом. Поэтому Иван Грозный на тринадцать лет стал выразителем соборных ценностей и народных интересов — то есть, именно таким царем, который нужен России. «Кроток и милостив, незлопамятен, немстителен, правдолюбив, враг всякой неправды, правосуден к боярам и отец для своего народа» [10, с. 51] — таким видит А.С. Хомяков Ивана Грозного в первые тринадцать лет его правления.

Однако, по мнению славянофилов, уже в это время царь признавал, что подобные установки ограничивали его свободу, чувствовал себя «пленником ненасилия». Поэтому случилось то, что рано или поздно должно было случиться — наступил второй этап царствования Ивана Грозного, по результатам которого А.С. Хомяков

дал царю совершенно иную характеристику: «живое лицо, замечательно одаренное Богом, но употребившее почти все дары свои на зло; правитель, не лишенный правительственной мудрости, но постоянно губивший свою мудрость в своих пороках; царь, иногда понимавший красоту, но никогда святость добра; человек, в мастерстве софизма не уступавший никакому византийцу, а в кровожадности никакому татарину,... одним словом, остается изверг цельный и, так сказать, художественный» [9, с. 249].

В отличие от Н.М. Карамзина, считающего причиной перемен в политике царя смерть его жены Анастасии, мыслители полагали, что это, а также очередной пожар Москвы в 1560 г., было лишь поводом, позволившим царю перестать сдерживать свой развращенный характер и порочные наклонности. На вопрос о необходимости опричнины они отвечают не вполне однозначно. Они не разделяют мнения Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева об опричнине Ивана Грозного как об аналоге борьбы европейских королей против родовой аристократии за централизацию государства. По их мнению, родовой аристократии, опасной для царской власти, в России не было и быть не могло. Бояре XVI в. давно не держались и не боролись за свои древние удельные права, к тому же уже давно фактически не существующие (очевидным доказательством этого факта К.С. Аксаков считает то, что даже во время малолетства Ивана Грозного Рюриковичи, окружавшие его престол, не попытались изменить положение дел). По словам К.С. Аксакова, опричнина была средством закрепить положение бояр именно как государевых слуг, так как их роль советников государя, его «дружины» утратила свою актуальность и оставалась лишь в качестве идеи. В отличие от европейских аристократов, бояре не сопротивлялись царю с оружием в руках, а применяли лишь пассивное сопротивление — отъезд в свои имения. Поэтому форма проведения в жизнь этой цели (которая сама по себе была вполне оправдана) вызывает у мыслителя осуждение опричнины, ибо, по его словам, «историческая причина объясняет дело, но нисколько не оправдывает его нравственно. Если историческая необходимость вызывает ту или другую идею, то эта необходимость никогда не простирается на способ и средства, с помощью которых проявляется идея» [3, с. 421].

Это делалось в рамках основной цели опричнины. «Главной его целью было при разделении осязательном двух начал: отвлечь государство, чтобы вполне подчинить его себе,... чтобы не было в нем ни связей с землей, ни преданий — ничего; он хотел в окружающих себе безусловных слуг» [3, с. 442]. Это была попытка лишить народ силы мнения, нравственного воздействия на государя.

Разрыв государства и «земли» не соответствовал ни соборным ценностям, ни духу и потребностям русского народа, и потому опричнина осталась образцом, который не был и не мог быть реализован.

А.С. Хомяков видит в действиях Ивана Грозного лишь бессмысленный террор. «Эта бойня шла от двух весьма простых побуждений — от вражды Иоанна против свободы мнения в высшем сословии и от рассчитанного грабительства» [9, с. 249].

Таким образом, действия, которые считались борьбой против аристократии, предстают у славянофилов совершенно неоправданной войной против собственного народа. Подобная точка зрения имеет много последователей среди историков. О бессмысленности внутренней политики Ивана Грозного говорил В.О. Ключевский. По словам В.Б. Кобриня, «Писцовые книги... создают впечатление, что страна испытала опустошительное вражеское нашествие. «В пусте» лежит не только больше половины, но порой до 90 процентов земли, иногда в течение многих лет» [7].

Подобные действия имели сокрушительные, но вполне закономерные последствия: голод, поражение в Ливонской войне, изменения в общественном сознании. Как писал А.С. Хомяков, «многолетняя неправда, правление, нарушающее законы божественные и человеческие; власть, наказывающая смертью за невинность и награждающая милостями за преступления, подрывают на многие и многие лета народную нравственность. Низость духа, лесть, зависть, вражда к заслугам, страсть к крамолам, склонность к клеветам: таково наследство, оставляемое народу правительстами, или жестокими, или бессовестными; таков был завет царя Ивана Васильевича Грозного...» [11, с. 59].

Подводя итог, можно сказать, что славянофилы двояко оценивали Ивана Грозного и его царствование. С одной стороны, они считали его основоположником российской государственности, создателем отношений власти и народа, наиболее подходящих для России. На первом этапе своего царствования он «слышал требования истории, он исполнял их». Однако, отступив от соборных ценностей и дав волю своему дурному нраву, царь разорил страну и развратил людей, что стало косвенной причиной дальнейших бедствий. Таким образом, видно, что славянофилы при всей своей тенденциозности и субъективности (которые они сами охотно признавали за собой) оценивали данное царствование достаточно объективно и, скорее всего, согласились бы со словами современного историка: «Для России время правления Ивана Грозного осталось одной из самых мрачных полос её истории. Разгром реформационного движения, бесчинства опричнины, «новгородский поход» — вот некоторые вехи кровавого

пути Грозного... Рядом веги другого пути — превращение России в огромную державу, включившую земли Казанского и Астраханского ханств, Западной Сибири от Ледовитого океана до Каспийского моря, реформы управления страной, упрочение международного престижа России, расширение торговых и культурных связей со странами Европы и Азии» [4, с. 151].

Список литературы:

1. Аксаков К.С. Замечания на статью г. Соловьева «Шлёцер и антиисторическое направление» // Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.rusinst.ru/docs/books/K_S_Aksakov_Gosudarstvo_i_narod.pdf ((дата обращения 2.09.2013).
2. Аксаков К.С. О русской истории // Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.rusinst.ru/docs/books/K_S_Aksakov_Gosudarstvo_i_narod.pdf ((дата обращения 2.09.2013).
3. Аксаков К.С. По поводу VI тома «Истории России» г. Соловьева // Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.rusinst.ru/docs/books/K_S_Aksakov_Gosudarstvo_i_narod.pdf ((дата обращения 2.09.2013).
4. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного М., 1982. — 184 с.
5. Ключевский В.О. Исторические портреты [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://lib.rus.ec/b/168340/read#t1> (дата обращения 2.09.2013).
6. Ключевской В.О. Состав представительства на земских соборах древней Руси // В.О. Ключевской. Сочинения в восьми томах. Том VIII. Исследования, рецензии, речи (1890—1905) М., 1959 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://az.lib.ru/editors/k/kljuchewskij_w_o/text_0190.shtml (дата обращения 2.09.2013).
7. Кобрин В.Б. Иван Грозный. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/BOOKS/GROZNY/GROZNY_2.HTM (дата обращения 2.09.2013).
8. Хомяков А.С. Заметка по поводу статьи г. Соловьева о Риле // Хомяков А.С. Избранные статьи и письма. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. — 480 с.
9. Хомяков А.С. Замечания на статью г. Соловьева «Шлёцер и антиисторическое направление» // Хомяков А.С. Избранные статьи и письма. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. — 480 с.

10. Хомяков А.С. Тринадцать лет царствования Ивана Васильевича // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. — т. 3. — 482 с.
11. Хомяков А.С. Царь Федор Иоаннович // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. — т. 3. — 482 с.

3.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

РОЛЬ ТЕОМОРФИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ПРАКТИКЕ ПОЗНАНИЯ МИРА

Махмараимова Шохиста Тухтошевна

преподаватель

кафедры дошкольного воспитания и начального образования,

Термезский государственный университет

Узбекистан, г. Термез

E-mail: shohista.76@yandex.ru

ROLE OF THE TEOMORPHIC METAPHOR IN PRACTICE OF THE WORLD'S COGNITION

Mahmaraimova Shohista Tukhtoshevna

lecturer of chair of early childhood upbringing and primary education

Termez state university,

Termez city, Uzbekistan

АННОТАЦИЯ

В данной статье теоморфическая и антропоморфическая метафоры рассматриваются в единой системе, что позволяет делать выводы о глобальной сущности теоморфизма. Опираясь на взгляды восточных философов, теоморфическая метафора определяется как исключительный феномен на пути достижения совершенства всего человечества.

ABSTRACT

In this article teomorphic and anthropomorphic metaphors are considered in a single system, which allows to make conclusions about the global nature of teomorphism. Based on the views of eastern philosophy, teomorphic metaphor is defined as an exceptional phenomenon on the way of attaining perfection of humanity.

Ключевые слова: теоморфическая метафора; антропоморфическая метафора; фундаментальные метафоры; «духовно-полноценный человек».

Key words: teomorphic metaphor; anthropomorphic metaphor; basic metaphors; "spiritually high-grade person".

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как (основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Мы взяли в скобки слово основную, потому что, как будет показано ниже, не все исследователи когнитивной метафоры придают ей статус именно основной операции.

Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект) [1, с. 16—32].

Когнитология рассматривает метафору как вспомогательный способ осуществления скрытых возможностей человеческого разума. Это доказывается тем, что при кластеризации у метафоры выявляется системность, в которой наблюдается образно-ассоциативная, фреймовая взаимосвязанности.

Наиглавнейший фактор в познании мира, безусловно — метафора, которая незаменима в позитивном решении проблемы репрезентации усвоенных знаний.

Это отражается в идеях г. Бейтсона, которой утверждал, что метафора — это логика, на которой построен весь мир живого. Он отмечает метафору как «связующий паттерн», который заключает в себе тайны великой реальности [6].

Обращая внимание на особенности теоморфической метафоры, мы находим, что именно она способна вступить в ассоциативную связь с другого рода метафорами и подействовать на их конструктивную, а так же концептуальную сферу. Вернее, она якобы «живёт» в них.

Следовательно, теоморфическая метафора, которая изучается как фундаментальная и рассматривается наряду с зооморфической, антропоморфической метафорами, на самом же деле по силе своей значимости, вполне способна обусловить проявление двух остальных типов метафор. В познании беспредельного универсума [6] теоморфическая метафора — настоящий феномен.

Если учитывать, что для объяснения парадоксальной картины метареальности современные учёные вынуждены всё чаще обращаться к формам парадоксального, метафорического, мифологизированного

мышления [6], то роль теоморфической метафоры, можно сказать, возрастает.

Несмотря на то, что понятие теоморфическая не аналогично понятию религиозная (хотя носит первично религиозный характер), мы отмечаем, что, возможность проявления теоморфической метафоры равна религиозной. Для примера приводим размышления Е.В. Ивановой, которая считает, что религиозная метафора, концептуализирующая природные катастрофы как результат действия неких высших сил, занимает доминирующее положение вплоть до эпохи возрождения, когда существование бога начинает ставиться под вопрос, но традиционная «божественная» картина мира сохраняется при интерпретации природных катастроф. И в тоже время отмечает, что «в связи с техническим, экономическим и общественным развитием, с увеличением значимости естественных и технических наук и уменьшением политического влияния церкви, изменяется восприятие природных катастроф, прежние интерпретационные модели вытесняются новыми, которые обращаются к анализу причин и поиску виновников происходящего, религиозная метафора всё больше вытесняется антропоморфной, зооморфной, морбиальной и военной метафорами, представляющими природу как живое существо и нападающего противника» [2].

Стоит отметить, что в приведённой цитате не совсем верно «спрогнозированные» свойства ряд метафор, преимущество которых снижено к нулю, ибо мысль о том, что не все понятия, рассматривающиеся как якобы антропоморфные, имеют прямое отношение к значению данного слова. Это даёт основание делать вывод о том, что антропоморфные значения не всегда олицетворяют антропоморфную субстанцию.

Как считает В.Н. Сагатовский, «в наши дни исчерпали себя как антропоцентризм, так и теоцентризм, традиционные идейные-связки «антропоцентризм-индивидуализм-неоязычество» и «теоцентризм-коллективизм-фундаментализм», ибо, по его мнению, на их место претендует якобы их своеобразный синтез: антропокосмизм с его апелляцией к полноте бытия [5]. Насколько реально представляют эти связки настоящую субстанцию понятий антропоморфизм и теоморфизм? По нашему мнению, постановка такого порядка вышеупомянутых идейных связок неуместна, когда, речь идёт об антропокосмизме.

Представления же об универсуме обращают наши мысли ко взглядам А. Шопенгауэра, который изрекал в своей теории о воли, что, мир — это комплекс представлений (восприятий) [7, с. 180]. А согласно А.Ф. Лосеву, именно миф есть наиболее реальное и наиболее полное осознание действительности.

Разделяя взгляды Е.Е. Сапоговой, мы также считаем, что общность структуры мифического мышления делает её тождественной первично-языковому сознанию. Язык и миф — параллельны, якобы рождённые под общей стихией, они олицетворяют собой первобытное сознание. Неразрывность языкового понятия и мифического образа позволяет заменять один из этих двух элементов другим, чем характеризуется метафора. Как отмечает Е.Е. Сапогова, «произвольно созданных образов нет; их производство вызвано своеобразным осознанием мира: конкретные черты, все время в них присутствующие, содержат в себе былые представления, буквальный смысл которых со временем выветривается. Поэтому любая символика есть вторичное претворение древней конкретики, любой символ вбирает в себя специфическую для этапа его возникновения как образа форму восприятия мира» [3, с. 221—233].

Рассуждая о теоморфической метафоре, нельзя не упомянуть о её феноменальных свойствах. Ибо, отражая в себе значения, будто истинно религиозного характера, она даёт знание о человеческих благодеяниях или же грешных поступках. Механизм реализации этой метафоры можно объяснить путём разъяснения характерной черты этой метафоры.

Можно отметить несколько аспектов касающихся, свойств теоморфической метафоры. Во-первых, она имеет достаточно высокий уровень использования в культурной и индивидуальной практике. Во-вторых, способная помещаться в одном разрезе с антропоморфной метафорой, она порождает ряд противоречий в познавательной деятельности человека. Значения, определяющиеся своей неустойчивостью, будто осуществляют природу теоморфической метафоры.

Но, несмотря на это, теоморфическая метафора имеет свои вполне сформировавшиеся, дискурсивные конструкции (для рассуждения о её значении не требуется особенного теологического знания, и напротив, её используют в индивидуальной речи даже те языковые личности, которые употребляя её, глубоко не осмысливают природу концептуальной совместимости этой метафоры в отдельно взятых моментах). Следовательно, присутствуя в языковой деятельности разных рас, наций, слоев населения, она легко и однозначно воспринимается.

Родственность теоморфической метафоры с антропоморфной метафорой, даёт повод слиянию соответствующих идеальных образов окружающего мира. Из-за чего, составные семантические единицы теоморфической метафоры явно разделяются на «положительные» и «отрицательные». А это самая главная отличительная сторона данной метафоры.

В-третьих, именно теоморфическая метафора способна объяснить суть существования человечества.

Человек как эксцентричное, самоизменяемое существо, всегда стремится стать иным, не таким, каков он есть в данный момент. Он не знает покоя из-за внутренней борьбы, в нём происходит переход от одного превращения к другому. Можно определить, что свойственный ему статус, это — лишение равновесия, своего места и времени. Живя в постоянном конфликте с самим собой, он делает возможным переживание самого себя и одновременно переживание своей безместности и безвременности как стояния вне себя. И как плеснер формулирует три закона человеческого существования: закон естественной искусственности, закон опосредованной непосредственности и закон утопического места — все они подчеркивают специфическую, эксцентрическую природу человека. «Осознание бессосновности себя и мира в целом наталкивает человека на идею бога. Из неустойчивости ему остается только «прыжок в веру». Антропоморфизму сущностного определения абсолюта необходимо соответствует теоморфизм сущностного определения человека. Последнюю связь и упорядочивание, место жизни и смерти, открытость и примирение с судьбой, истолкование действительности, родину способна подарить лишь религия» [цит. По: 4].

На самом же деле, суть существования человека в мире заключается в идее «духовно-полноценный человек», в чём на наш взгляд объединены субстанции теоморфическая и антропоморфическая метафоры.

К изложению мыслей в таком виде нас подталкивает изречение румия «фиhi мо фиhi» — «сам в себе», где фактор «человек» поддерживается поиском «человечности», обращенным в самого себя. Эта идея глобальна так же и во взглядах ибн арабия.

Обратив внимание на мысли, высказываемые али шариатом и ибн арабием, можно легко заметить их схожесть. В частности, как утверждает али шариат «человек может стать полноценным и достичь совершенства лишь благодаря своей любви к аллаху» (*insan yalnız allaha mēhābbētini fəallaşdırmaq yolu ilə o yüksəkliyə və kamilliyə çata bilər*) [цит. По: 9, с. 120], а если мыслить как ибн арабий то он, под понятием “теоморфический человек” видит полноценного человека: *ibn arabî'nin insan anlayışı teomorfiktir. İnsan öncelikli olarak tanrı bilgisi (teozofi) ile bilinebilir* [цит. По: 8] а это — феноменальная особенность человеческого разума.

Получается, что понятия антропоморфическая и теоморфическая не только родственны, но и имеют единую почву, в которой на сегодняшний день возрождается глобальное значение —

человеческая полноценность. А таким метафорам, как зооморфическая и техноморфическая — отводится лишь второстепенное место.

Список литературы:

1. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры. (лингвокультурология. — вып. 1. — Екатеринбург, 2007. — с. 16—32) [Электронный ресурс] — режим доступа. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm> (дата обращения: 20.03.2013.).
2. Иванова Е.В. метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе (на материале медийных текстов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Челябинск — 2007. [Электронный ресурс] — режим доступа. — URL: <http://ecolinguistics.ru/doc/mat7.doc> (дата обращения: 24.03.2013.).
3. Сапогова Е.Е. метафоры за-сознания и проблема спонтанной самоорганизации сознания. «Известия тулгу». Серия «гуманитарные и социально-экономические науки». Выпуск 6. Тула: ТУЛГУ, — 2001. — с. 221—233. — [Электронный ресурс] — режим доступа. — URL: <http://esapogova.narod.ru/texts/metaph.htm><http://esapogova.narod.ru/texts/metaph.htm> (дата обращения: 24.03.2013.).
4. Философия: энциклопедический словарь. М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. [Электронный ресурс] — режим доступа. — URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/936 (дата обращения: 27.07.2013.).
5. Фундаментальные метафоры: зооморфизм, техноморфизм и теоморфизм. [Электронный ресурс] — режим доступа. — URL: <http://www.vuzlib.org/beta3/html/1/25139/25233/> (дата обращения: 20.03.2013.).
6. Халипаева империят. Метафора тайны и тайна метафоры (основы нового научного мышления). 10.09.1998 г. Поэзия джамалы — [Электронный ресурс] — режим доступа. — URL: <http://stihi.ru/2008/01/20/1788> (дата обращения: 28.03.2013.).
7. Янги ва энг янги давр ғарбий европа фалсафаси. Т.: “шарк” нмак бош тахририяти. 2002, — 180 с.
8. Bilik necmettin. İbn arabinin ahlak cöřüşü. Karakalem.net [Электронный ресурс] — режим доступа. — URL: http://dergi.aktifelsefe.org/index.php?option=com_content&view=article&id=27:bn-arabinn-ahlak-goerueue&catid=13:62&itemid=21; так же, etik bir ideal olarak tanrı-insan vs insan-i kamil: antik yunan düşüncesinde “teşebbüh-ü bi’l-vacip” meselesi © 2013 karakalem.net, refik yildizer. (дата обращения: 15.03.2013.).
9. Vəliyev D.C. əli şəriəti və seyid hüseyin nəsrin dini-fəlsəfi baxışları arasında oxşar və fərqli cəhətlərə dair. Bakı universitetinin xəbərləri. 2009. — 120 s.

3.4. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ПРИНЦИПЫ МОДИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Фотиева Ирина Валерьевна

*д-р филос. наук, профессор АлтГУ,
г. Барнаул*

E-mail: fotieva@bk.ru

Артамонова Татьяна Александровна

*канд. филос. наук, доцент АГАУ,
г. Барнаул*

PRINCIPLE OF MODIFICATION OF RUSSIAN EDUCATION

Fotieva Irina

*doctor of Philosophy, professor of the Altai State University,
Barnaul*

Artamonova Tatjana

*phD, docent of the Altai State Agrarian University,
Barnaul*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена философско-мировоззренческим основам модификации российского образования. По мнению авторов, оно должно опираться на национальную образовательную традицию и положения русской метафизики всеединства. Исходя из этого, авторы выделяют ряд базовых принципов построения образовательной системы.

ABSTRACT

The article is devoted to the philosophical and ideological foundations of Russian education system reforms. According to the authors the

educational system should be based, on the one hand, on the national educational tradition, and, on the other hand, on the ideas of Russian original philosophical direction “metaphysics of unity”. On this basis the authors identify a number of principles for the formation of the educational system.

Ключевые слова: образовательная реформа, русская философия, принципы модернизации образования.

Keywords: educational reform, Russian philosophy, principles of modernization of education.

Уже достаточно было сказано о том, что формальный перенос образовательных концепций, сформировавшихся в других культурах, на чуждую им почву способен лишь разрушить, возможно, в чем-то несовершенный, но тем не менее веками работавший механизм. В то же время реформы необходимы, они должны быть составной частью развивающейся системы, которая, в противном случае, обречена на стагнацию и распад. Вопрос лишь в том, на каких мировоззренческих основах базируется реформа и какие конкретные формы и механизмы реализации этих основ принимаются.

1. Историко-философский контекст

Развиваясь под влиянием общемировых философских традиций, но, преломляя их через национальный менталитет и систему ценностей, русская философия выработала ключевые идеи и понятия, органичные для национального мировосприятия и ставшие базовыми для системы образования и воспитания. Среди них можно в первую очередь выделить следующие.

Идея всеединства. Для русских мыслителей, как религиозного, так и естественнонаучного направления, Вселенная представляет собой единое, иерархически организованное целое. Идеи всеединства и целостности мира несут важнейшую мировоззренческую установку и, добавим, полностью согласуются с господствующей парадигмой современного естествознания, в рамках которой накапливается все больше данных о глубинной связи всех природных процессов, более того, сознания человека и окружающего мира.

Взгляд на мир как на единое целое подразумевает и **единство познания**. В аспекте образования оно включает прежде всего «горизонтальную» и «вертикальную» взаимосвязь дисциплин, системность изложения материала и самое главное — фундаментальность образования. Цельное знание задает идеал **цельности человеческой личности**. Мерилом цельности личности должна выступать жизненная позиция человека, в которой отражены его духовная

устремленность, нравственные принципы и гражданская ответственность. Идея *софийного преобразования* мира предусматривает сохранение природы и гармоничное преобразование лика Земли. Задачи бережного и ответственного отношения к миру, неистощительного природопользования сегодня, в эпоху нарастания экологического кризиса, актуальны как никогда. Формирование экологического мышления и экологической культуры — одна из важнейших задач современного образования.

Отметим, что эти ключевые идеи в определенном смысле подытожили определенный период развития отечественной мысли и органично встроились в образовательную систему, которая уже имела свою историю. В своих основах, эта система просуществовала вплоть до начала нынешнего тысячелетия, и ее эффективность не подлежит сомнению: по многочисленным свидетельствам, уровень образования в СССР существенно превышал таковой во многих европейских странах.

2. Основные принципы образовательной реформы

Очевидно, что жизнеспособные реформы должны не только базироваться на национальных традициях и лежащих в их основе мировоззренческих принципах, но также отвечать на вызовы времени. С этих позиций попробуем сформулировать основные принципы, которые следует, на наш взгляд, положить в основу реформ.

А) Принцип самоценности образования.

Он, как легко видеть, с одной стороны, естественным образом вытекает из ключевых идей русской философии, с другой — согласуется с идеями информационного общества и с фактом возрастающих требований к образовательному уровню в условиях научно-технического прогресса. Только образование формирует, во-первых, личность как таковую, во-вторых, полноценного гражданина, члена социума. Эти два аспекта данного принципа должны стать факторами *мотивации* к образованию для современной молодежи. Естественно, что при этом образование должно финансироваться государством не по «остаточному принципу», а, напротив, как важнейшая сфера, от которой зависит будущее страны.

Подчеркнем, что сегодня в основу реформ кладется противоположный и, на наш взгляд, малообоснованный и неэффективный принцип — рыночно-прагматистский, или утилитаристский. Образование постулируется как рыночная услуга, закрепляется узкопрагматистский подход к целям и задачам обучения. Этот принцип, прежде всего, ведет к противоречиям в самой образовательной системе, в ее основных механизмах. Очевидно, что *услуга* в собственном смысле этого слова не предполагает

активного участия «клиента», то есть того, кому данная услуга оказывается. В то же время образование не только предполагает такую активность, но и требует ее по самой своей сути. Далее; рыночно-прагматистский подход не способен выполнить даже свою прямую функцию — поставки специалистов тем сферам экономики, где они требуются. Ведь в условиях экономических кризисов, общей нестабильности в России и в мире невозможно с достаточной точностью предсказать, какие именно специалисты и в каком количестве потребуются через несколько лет. И, наконец, этот подход открыто понижает статус образования как такового в глазах молодежи, — оно воспринимается лишь как одно из средств (не обязательное) для достижения «основных» целей — социального успеха, власти, денег и пр. Это, соответственно, резко ослабляет мотивацию к образованию, и, значит, неизбежно понижает его качество. О том, что данный подход не выполняет важнейшую функцию формирования целостной личности и гражданина одного из крупнейших государств мира — думается, говорить излишне.

Б) Принцип фундаментальности образования

Он подразумевает развитие на новом уровне давно апробированных подходов и методик: 1) включения в программы всего *блока основных дисциплин в достаточном объеме* (не менее объема советского периода) в качестве *обязательного* и 2) соблюдения основных дидактических принципов в преподавании (прежде всего принципов *системности и последовательности* изложения).

Что, на наш взгляд, нуждается в коррекции в процессе реализации этого принципа в новых условиях? Во-первых, необходимо дополнить базовые курсы дискуссионными вопросами современной науки. Во-вторых, более определенно вписывать получаемые знания в жизнь современного общества, в социально-культурный, политико-экономический контекст. И, в-третьих, усилить синтетическую компоненту в преподавании, — иными словами, демонстрировать пересечения знаний из разных областей, скажем, на примере таких направлений, как синергетика. Добавим, что для решения данных задач необходимо привлекать не только педагогов, но и ведущих специалистов в соответствующей области знания. Опора на принцип фундаментальности образования, с учетом коррекций, будет соответствовать и общемировым тенденциям развития научного знания, где интегративные процессы и, соответственно, комплексные исследования играют все большую роль.

Еще один важнейший аргумент в пользу фундаментальности образования состоит в том, что она не только дает определенный объем знаний, но и явно или скрыто формирует у учащегося саму

методологию обучения, которая только и позволит ему в дальнейшем овладевать новыми знаниями, вплоть до полной смены профессии. Процесс образования — это еще и «обучение процессу обучения», обучение *мышлению*. Функционально-прагматический, дефундаментализированный подход превращает учащегося в подобие компьютера, способного работать лишь в соответствии с заложенной программой. Этому же, к сожалению, служит и система тестирования, которая из вспомогательного инструмента превратилась в доминирующий. Данные выводы основаны на непосредственном контакте автора, как вузовского преподавателя, с современными выпускниками.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ПУБЛИКАЦИЮ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Егоров Андрей Николаевич

*д-р ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории
Череповецкого государственного университета,
г. Череповец*

E-mail: anegorov65@mail.ru

ROLE OF THE SOVIET HISTORIOGRAPHY IN PUBLISHING SOURCES ON THE HISTORY OF RUSSIAN LIBERALISM

Andrey Egorov

*doctor of Historical Sciences, associate professor,
Head of History Department of Cherepovets State University,
Cherepovets*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект
№ 12-01-00249, тема «Образ либерала в Российской империи XIX —
начала XX вв.»*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль советской историографии в публикации источников по истории российского либерализма. Показан вклад таких исторических журналов как «Красный архив», «Исторический архив», «История СССР» в расширение источниковой

базы по истории либерализма. Отмечается большое значение ранней советской историографии в изучении истории либеральных партий. Прослеживается судьба текущего архива конституционно-демократической партии.

ABSTRACT

The role of the Soviet historiography in publishing sources on the history of Russian liberalism is examined in the article. The contribution to the source base growth on the history of liberalism of such historical journals as *Krasnyu arkhiv*, *Istoricheskiy arkhiv* and *Istoriya SSSR* is presented. The importance of the early Soviet historiography in the study of the history of liberal parties is highlighted. The state of the current archives of Constitutional Democratic Party is observed.

Ключевые слова: археография, историография, источниковедение, либерализм, конституционно-демократическая партия, исторические журналы.

Keywords: archaeography; historiography; source studies; liberalism; Constitutional Democratic Party; historical journals.

В начале XX в. существенную роль в общественно-политической жизни Российской империи стало играть либеральное движение. В связи с неоднозначностью данного понятия поясним, что под российским либерализмом начала XX века мы понимаем политическое и идейное течение, стремившееся к построению в России гражданского общества и правового государства эволюционным путем. Советские историки занялись изучением либерального движения уже в начале 1920-х гг. Характерная черта ранней советской историографии — довольно широкая публикаторская работа. Несмотря на слабый уровень археографической подготовки многих публикаций, неразработанность теоретических и методических вопросов в 1920-х — начале 30-х гг. в Советской России был опубликован целый ряд документов по истории российского либерализма. Существенную роль в этом сыграл исторический журнал «Красный архив», выходивший в 1922—1941 гг. Фактическим руководителем журнала до своей смерти в 1932 г. был М.Н. Покровский. Публикуемые в «Красном архиве» новые документы сопровождались небольшими по объему вводными статьями и комментариями, в которых показывалось значение включаемых в научный оборот фактов. Можно отметить ряд публикаций о деятельности либералов в годы первой русской революции. Это материалы совещаний Петербургского и Московского отделений ЦК партии октябристов в 1905—1907 гг., записки

Ф.А. Головина о С.А. Муромцеве, протоколы заседаний I Государственной думы в Выборге 9—10 июля 1906 г., составленные Д.И. Шаховским и В.Д. Набоковым, материалы о разгоне I Государственной думы. Кроме того, появились публикации и о деятельности либералов в годы первой мировой и гражданской войн: письма П.Б. Струве С.Д. Сазонову в 1915 г., документы Крымского краевого правительства 1918—1919 гг., часть переписки В.А. Маклакова с Национальным Центром в 1919 г. [11, с. 127].

В 1920-е гг. широкое использование советскими историками документального наследия российских либеральных партий было невозможно, поскольку соответствующие документы еще не поступили в государственные архивы. Характерна в этом отношении судьба текущего архива ЦК кадетской партии. После взятия власти большевиками большинство документов ЦК было передано руководителями партии вместе со своими личными архивами на сохранение в Библиотеку Академии наук в Петрограде. В условиях гражданской войны в глазах многих, не уверенных в своем завтрашнем дне представителей интеллигенции, Библиотека Академии наук казалась единственным надежным и вполне безопасным местом, где только и можно уберечь свои личные архивы и партийную документацию от угрожающей им гибели. Академия наук в лице ее неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга, директора БАН А.А. Шахматова, директора Пушкинского дома Н.А. Котляревского охотно шла им в этом навстречу. Кроме того, часть документов ПНС была собрана или, точнее, спасена работниками рукописного отделения БАН [17, с. 204].

Личный архив П.Н. Милюкова за 1858—1918 гг. (более 7 тыс. ед. хранения) включавший большое число партийной документации после Октябрьской революции был спрятан старым другом кадетского лидера, библиотекарем петербургской Публичной библиотеки А.И. Браудо частью в самой библиотеке, частью в рукописном отделении Академии наук [12, с. 186].

Особую роль в судьбе архива ЦК ПНС сыграл академик С.Ф. Ольденбург. Он был не только членом ЦК ПНС, но и близким другом многих руководителей партии. В частности, Ольденбург входил в кружок друзей-единомышленников сложившейся в середине 1880-х годов и именовавший себя Братством. В Братство входили также А.А. Корнилов, Д.И. Шаховской, В.И. Вернадский и др. [20, с. 174] Поэтому неудивительно, что лидеры партии обратились именно к Ольденбургу, а он с большим вниманием отнесся к архиву ЦК ПНС. Документы и материалы ЦК периода 1905—1915 гг. были им переданы в Археографическую комиссию Академии наук,

где и пролежали до 1929 г. Ни о какой научной обработке этих документов тогда не могло быть и речи. Вторую часть текущего архива ЦК, охватывающую период с 1916 г. и до конца гражданской войны, С.Ф. Ольденбург хранил у себя на квартире. Насколько значительной была эта часть архива сказать трудно. Из воспоминаний известно, что интенсивность работы ЦК кадетов после Февральской революции и в последующий период была значительной.

В октябре 1929 г. Правительственная комиссия наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по проверке аппарата Академии наук обнаружила в учреждениях Академии наук значительное число документов «большого политического значения». В частности в Археографической комиссии обнаружили архив «врагов народа» — ЦК ПНС. В результате власти организовали крупное политическое «дело», по которому пострадало большое число ученых. С.Ф. Ольденбург был освобожден от занимаемой должности, возникла реальная угроза его ареста. В этой критической ситуации в ночь на 30 октября 1929 г. супруги С.Ф. и Е.Г. Ольденбурги сожгли хранившуюся дома часть архива ЦК ПНС [17, с. 205]. Что конкретно сжег Ольденбург неизвестно, но ясно лишь, что это документы 1916—1918 гг.

В 1930 г. обнаруженные документы ПНС были переданы в Москву в Государственные архив феодально-крепостнической эпохи и включены в состав образованной в 1919 г. коллекции семьи Романовых, бывших министров и царских чиновников — так называемый «Новоромановский архив». В начале 1930-х гг. небольшая часть этих документов была опубликована в «Красном архиве»: некоторые протоколы ЦК кадетской партии за 1905—1906 гг.; материалы июньской конференции ПНС 1915 г.; протоколы совещаний Прогрессивного блока; часть записных книжек П.Н. Милокова о его пребывании в Англии в составе русской парламентской делегации 17 апреля — 15 мая 1916 г.; доклад П.Н. Милокова в военно-морской комиссии Государственной думы 19 июня 1916 г. Советские историки хорошо понимали огромное значение кадетских документов. Поэтому в 1933 г. Центрархив подготовил к печати сборник архивных материалов «Кадеты в 1914—1918 гг.» (анонсирован Н.П. Лапиным в 59 томе «Красного архива»), но издание так и не увидело свет по понятным причинам идеологического характера. С конца 1933 г. печатание документов, вышедших из либерального лагеря, прекращается, и начинается период длительного «археографического молчания», продолжавшийся до общественно-политических перемен периода перестройки [7; с. 57].

Стоит отметить, что либеральные лидеры, находясь в эмиграции, довольно внимательно следили за советскими публикациями о своей деятельности. Так, П.Н. Милоков, работая над мемуарами, использовал опубликованные в «Красном архиве» отрывки из своего «Дневника» за 1916 г. При этом он отмечал научную важность советских публикаций: «Выбор сделан умело, и тексты сопровождаются комментарием, свидетельствующим о тщательном изучении. Небольшие ошибки и неисправности текста не мешают мне быть удовлетворенным этим выбором; я лишь жалею, что печатание не продолжалось, хотя документы были признаны чрезвычайно важными» [12, с. 186].

Конечно, все вышеназванные публикации по истории либерализма нельзя назвать идеальными. Например, протоколы ЦК ПНС за 1905—1906 гг. были изданы с неоговоренными изъятиями, купюрами и погрешностями в расшифровке исходного текста. Такие же замечания можно предъявить и к другим опубликованным материалам. Однако эти недостатки объясняются не столько политическими причинами, сколько общим уровнем развития археографии того времени. Тем не менее, публикации «Красного архива» оставались единственными в своем роде и широко использовались отечественными и зарубежными исследователями вплоть до начала 1990-х гг. [7, с. 58]

Помимо «Красного архива», ряд материалов, имеющих огромное значение для изучения истории российского либерализма, выходил отдельными изданиями. В 1924—1927 гг. П.Е. Щеголев осуществил крупнейшее издание по истории политического кризиса предреволюционной России — семитомник «Падение царского режима», включавший в себя протоколы допросов и показаний Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства [15]. С точки зрения либеральной тематики наибольший интерес представляет шестой том, в котором опубликованы показания А.И. Гучкова и П.Н. Милокова, которые, по сути, являются общими историческими очерками политической жизни России с 1905 г. Сообщаемые Гучковым и Милоковым сведения имеют большую ценность, поскольку порой отличаются от их последующих воспоминаний эмигрантского периода. Издание П.Е. Щеголева имело популярный характер, что объясняло отсутствие научных комментариев, широко распространенных в изданиях 1920-х гг.

В 1927 г. Центрархив издал подготовленный Б.Б. Граве сборник документов «Буржуазия накануне Февральской революции», в котором были введены в научный оборот материалы из фонда Особого отдела Департамента полиции о деятельности либеральной

оппозиции в годы Первой мировой войны [3]. Заметное место среди документальных изданий тех лет занимает двухтомный сборник документов и материалов «Наши противники», появившийся в конце 1920-х гг. в издательстве Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова [13]. В сборник вошли отрывки из книг, брошюр, статей представителей различных направлений общественной мысли периода первой русской революции. Помимо прочих течений, была представлена и либеральная политическая мысль (статьи из «Освобождения», «Полярной звезды», программа Союза освобождения и т. п.). Материалы сборника были откомментированы на достаточно высоком уровне.

В 1932 г. в Партиздате вышел последний в советской историографии сборник документов политических противников большевиков — стенограммы частных совещаний членов Государственной думы с мая по август 1917 г. [2] Хотя сама Дума к этому времени уже перестала действовать, ее депутаты продолжали играть определенную роль, а сами материалы совещаний давали ценную информацию об оценке ведущими думскими деятелями, в том числе и либеральной направленности, общественно-политической ситуации в стране. В отличие от ранних публикаций в «Известиях Временного комитета Государственной думы», где думцы пользовались правом исправлений, вставок и исключений при просмотре стенографических записей (что, впрочем, всегда целесообразно в таких текстах), здесь речи и доклады даны полностью. В предисловии З.Б. Лозинского была дана характеристика Прогрессивного блока, его роли в Февральской революции, позиция участников частных совещаний в 1917 г.

Значительную роль в расширении источниковой базы по истории российского либерализма сыграли публикации мемуаров, как тогда говорили «деятелей контрреволюции». В 1920-е гг. в Советской России вышли полностью или в отрывках воспоминания С.Ю. Витте, М.В. Родзянко, В.Д. Набокова, А.И. Деникина и др. Все они были перепечатками с аналогичных эмигрантских изданий, и сопровождалась, как правило, обстоятельными вступительными статьями и весьма серьезными комментариями, причем составители подчеркивали, прежде всего, политическую значимость публикуемого материала [19, с. 9].

Наибольшую известность получил «классический» пятитомник С.А. Алексева «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев». С точки зрения нашей темы интерес представляют два первых тома, посвященные Февральской и Октябрьской революциям [14; 19]. На их страницах увидели свет отрывки из работ

П.Н. Милокова, М.В. Родзянко, А.Ф. Керенского, В.В. Шульгина и др. Пятитомник вышел без научных комментариев, поскольку был задуман как популярное издание. Определенное историографическое значение имеют вступительные статьи С.А. Алексеева и А.И. Усагина, анализирующие опубликованные источники.

Отдельно стоит выделить сборник «Самодержавие и либералы в революции 1905—1907 годов», составленный С.А. Алексеевым [18]. В нем была опубликована эмигрантская работа П.Н. Милокова о попытках создания министерства с участием либеральных общественных деятелей и другие материалы на эту тему (статьи В.И. Ленина, отрывки из воспоминаний С.Ю. Витте, газетная полемика 1911 г.). Все материалы сопровождалось добросовестным комментарием, что повышало научную ценность издания.

Отдавая должное публикаторской работе советских историков 1920-х гг., высокому уровню научных комментариев, необходимо сказать, что далеко не все издания отличались научной добросовестностью. Ярчайший пример — публикация мемуаров французского посла М. Палеолога. В советском издании 1923 г. были изменены название работы, ее структура, изъято примерно 40 % текста и добавлены фразы, которые автор никогда не писал [16]. Причем исключенными оказались чрезвычайно важные наблюдения о либеральной оппозиции и отношении к ней союзников.

Таким образом, начало освещения и разработки в советской историографии проблем истории российского либерализма было положено в 1920-х гг. активной публикаторской работой советских исследователей. Несмотря на все недостатки, связанные с цензурными ограничениями и общим уровнем развития исторической науки, все вышеназванные издания стали важнейшей частью источниковедческой базы по истории либерализма, к которой обращались как отечественные, так и зарубежные ученые.

В начале 1930-х гг. общественно-политическая ситуация стала складываться не в пользу исторической науки. Власть все больше устанавливала идеологический контроль над наукой. Знаковым событием стало знаменитое письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» с критикой ошибок «наших большевистских историков». Именно с этого письма и начинается складываться унифицированная концепция революционных событий, получившая свое развитие в многотомной «Истории гражданской войны в СССР». Решение об этом грандиозном издании было принято на самом высоком уровне — Постановлением ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. В состав редколлегии входили лица, чья точка зрения была тогда

вне научной критики — И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.А. Жданов и др. Поэтому концепция авторов «Истории гражданской войны в СССР» стала на многие годы основополагающей для советских историков, а отдельные ее положения были озвучены в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Первый том «Истории гражданской войны в СССР» стал символическим началом нового, сталинского этапа советской историографии, продолжавшегося вплоть до смерти «вождя народов» и начала общественно-политических перемен периода «оттепели». Этот этап характеризуется узкими, директивно ограниченными рамками исследовательской проблематики. Доступ к архивным документам был существенно затруднен в связи с передачей самих архивов в систему НКВД в 1938 г. О серьезном изучении российского либерализма, всего спектра сложных взаимоотношений власти и общества периода российской революционности в это время не могло быть и речи, поскольку сформировавшаяся в СССР политическая система насаждала тоталитарную модель государственного устройства.

Начиная со второй половины 1950-х гг. советские историки стали постепенно пересматривать некоторые упрощенные и ошибочные представления первых томов «Истории гражданской войны в СССР» и «Краткого курса истории ВКП(б)». И хотя этот пересмотр был строго ограничен рамками господствующей идеологии, он дал серьезный толчок развитию исторической науки. Важным фактором стала возможность вновь использовать в своих работах широкий круг источников, в первую очередь архивных, недоступных ранее в течение многих лет. По настоящему новаторские работы стали выходить с середины 1960-х гг., причем новые идеи, как правило, высказывали те историки, кто сформировался как исследователь в период «оттепели».

Символом перемен в архивном деле стало постановление СМ СССР «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств» от 7 февраля 1956 г. хронологически почти совпавшее со временем проведения XX съезда КПСС. После этого начались работы по рассекречиванию фондов, сыгравшие, несмотря на свой крайне ограниченный характер определенную роль в развитии исторической науки. С 1955 по 1962 г. издавался журнал «Исторический архив» как своеобразное продолжение «Красного архива», что способствовало некоторому оживлению публикаторской деятельности. В 1959 г. в «Историческом архиве» были опубликованы воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе с предисловием А.Я. Авреха, которое превратилось в эссе о кадетях в Думе, их парламентской этике

и тактике. В следующем году была опубликована аналитическая записка Департамента полиции за 1916 г., в которой были данные о либеральной оппозиции. Однако по политическим мотивам «Исторический архив» был закрыт, и публикация документов по политической истории России начала XX в. была прервана [7, с. 61].

В 1960-е гг. вопреки сложившимся неблагоприятным условиям вышло несколько интереснейших публикаций источников по истории российского либерализма. Связаны эти публикации с именем профессора А.Л. Сидорова. В 1960 г. под его редакцией вышло переиздание мемуаров С.Ю. Витте [4] с обстоятельными научными комментариями, не утратившими своего значения по сей день. Опубликованные впервые в начале 1920-х гг. в Берлине И.В. Гессеном они вызвали большой интерес, и почти сразу же были изданы в Советской России, но без научных комментариев (правда, в 1922 г. В.В. Водовозов попытался дать источниковедческую характеристику мемуаров [5]). С.Ю. Витте затронул многие проблемы истории русского либерализма начала XX в., высказал свое отношение к либеральным партиям, рассказал о переговорах с оппозицией о вхождении в состав правительства (в приложении к третьему тому была опубликована газетная полемика С.Ю. Витте с А.И. Гучковым по этому поводу). В 1965 г. в «Исторических записках» А.Л. Сидоров опубликовал дневник княгини Е.А. Святополк Мирской [6], повествующий о событиях августа 1904 — октября 1905 г. Значительное место в дневнике уделено роли либеральной оппозиции, весьма активной в этот период.

В 1969 г. В.М. Шевырин на страницах «Истории СССР» опубликовал отрывки из воспоминаний М.М. Ковалевского «Моя жизнь», которые через советское торгпредство в Париже в 1947 г. были переданы родственником ученого П.Е. Ковалевским в архив Академии наук. В изданных отрывках была отражена политическая деятельность видного либерального деятеля. О публикации мемуаров других лидеров либерального движения в те годы речь не шла [8].

Документы либеральных партий и организаций в 1960—80-е гг., в отличие от 1920-х — начала 1930-х гг. не публиковались. Единственное исключение — публикация А.С. Красавиным и К.Ф. Шаццлло ряда документов кружка «Беседа» и «Союза освобождения» в «Археографических ежегодниках» [11; 21; 22]. В частности К.Ф. Шаццлло опубликовал список участников «Беседы», программу и устав «Союза освобождения» и др.

Некоторое оживление публикаторской деятельности привело к появлению с середины 1960-х гг. нескольких работ, рассматривавших среди прочего источниковедческие аспекты истории

российского либерализма [1; 9]. Однако говорить о каком-либо серьезном источниковедческом изучении документального наследия либеральных партий в то время не приходится. В начале 1970-х гг. публикации документов и материалов по истории российского либерализма полностью прекращаются по идеологическим причинам. Лишь в годы перестройки получившие свободу историки смогли вернуться к этой проблематике.

Список литературы:

1. Богатов И.П. Письма кадета Челнокова (1907—1913 гг.) // История СССР. — 1965. — № 2. — С. 213—214.
2. Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А.К. Дрезена. М.-Л., 1932. — 327 с.
3. Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. и мат. / Под ред. Б.Б. Граве. М.-Л., 1927. — 204 с.
4. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х т. М., 1960.
5. Водовозов В.В. Граф С.Ю. Витте и император Николай II. Пг., 1922. — 118 с.
6. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк Мирской за 1904—1905 гг. / Под ред. А.Л. Сидорова // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. — С. 241—263.
7. Егоров А.Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века. Дис... докт. ист. наук. М., 2010. — 879 с.
8. Из воспоминаний Мак. М. Ковалевского «Моя жизнь» / Сост. В.М. Шевырин // История СССР. — 1969. — № 4. — С. 59—79; — № 5. — С. 76—100.
9. Кострикова Е.Г. Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет (на материалах архивных фондов «Речи» и «Русского слова») // Исторические записки. Т. 103. М., 1979. — С. 275—298.
10. Красавин А.С. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В.А. Маклакова // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. — С. 354—359.
11. Красный архив. Исторический журнал. 1922—1941. Аннотированный указатель содержания / Под ред. В.В. Максакова. М., 1960. — 252 с.
12. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. — 448 с.
13. Наши противники. Сб. материалов и документов / Под ред. В. Юдовского. В 2-х т. М., 1928—1929.
14. Октябрьская революция / Сост. С.А. Алексеев. М.-Л., 1926. — 426 с.
15. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. / Под ред. П.Е. Щеголева. М.-Л., 1924—1927.

16. Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. — 830 с.
17. Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Вып. 1. М., 1991. — С. 163—235.
18. Самодержавие и либералы в революцию 1905—1907 годов / Сост. С.А. Алексеев. М.-Л., 1925. — 168 с.
19. Февральская революция / Сост. С.А. Алексеев. М.-Л., 1926. — 516 с.
20. Шаховской Д.И. Письма о Братстве // Звенья. Вып. 2. М.-СПб., 1992. — С. 174—318.
21. Шацилло К.Ф. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. — С. 111—114.
22. Шацилло К.Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза освобождения» в фонде Д.И. Шаховского // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. — С. 285—296.

**ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ
МЕДИАСРЕДЫ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОСЛЕ ОГЛАШЕНИЯ
«МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ»**

Кидакочева Зарема Шихамовна

*преподаватель кафедры истории и правового регулирования
массовых коммуникаций Кубанского государственного университета
г. Краснодар*

E-mail: zara00534@mail.ru

**PECULARITIES OF SOCIAL MEDIUM
TRANSFORMATION OF KUBAN REGION
AFTER OCTOBER MANIFESTO ANNOUNCEMENT**

Zarema Kidakoeva

*teacher of the Chair of History and Legal Regulation
of Mass Communications, Kuban State University,
Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

Рассматривается трансформация информационного рынка Кубанской области после оглашения Манифеста 17 октября. Анализируется общественно-политическая ситуация, приводятся особенности формирования политических организаций.

ABSTRACT

Information market transformation of Kuban region after October Manifesto announcement is briefly reviewed in the article. The public policy situation is analyzed; the peculiarities of formation of political organizations are introduced there as well.

Ключевые слова: политическая медиасреда, Кубанская область, частные издания, газета «Кубанские областные ведомости», Манифест 17 октября, революция, политические организации, трансформация информационного пространства.

Keywords: political social medium; Kuban region; private publications; newspaper Kubanskiye oblastnye vedomosti; October Manifesto, Revolution; political organizations; transformation of information space.

Изменения, связанные с Манифеста 17 октября 1905 года коснулись не только общественно-политической жизни общества, но и информационного рынка Кубанской области: произошла легализация существующих политических партий, учреждена первая Государственная Дума в стране, появилась реальная возможность открыто выражать свои политические предпочтения, а также пропагандировать те или иные оппозиционные мотивы в собственных печатных изданиях без цензуры.

«На волне революционного подъема издатели фактически перестали обращаться к цензуре за разрешениями. Восстановить действие прежней цензуры оказалось невозможным, заранее никакие проекты не готовились, и правительство удовлетворилось наскоро подготовленными Временными правилами о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. Ими отменялась предварительная цензура (п. I) и система административных взысканий (п. II). Последняя, однако, продолжала применяться на основании Закона 1881 г. об исключительном положении, которое тогда было распространено на значительную часть территории России.

Отменялось право министра внутренних дел воспрещать обсуждение в печати какого-либо вопроса государственной важности (п. V). Но на отдельные номера газет и журналов мог быть наложен арест по распоряжению должностного лица по делам печати с одновременным возбуждением уголовного преследования (п. VII, 9)» [1. с. 71—72].

Таким образом, период первой русской революции, когда изменились социально-политические условия существования журналистики, оказался наиболее плодотворным для развития СМИ.

Это, в первую очередь, связано упрощением процедуры регистрации изданий. Раньше учреждение печатного органа в провинции сталкивалось со значительными препятствиями, ведь ходатайство на разрешение газеты или журнала должно было быть поддержано местной администрацией, управлением по делам печати и департаментом полиции. При рассмотрении ходатайства учитывались образовательный и имущественный ценз предполагаемого редактора-издателя, опыт литературной и редакторской работы, занимаемое общественное положение и политическая благонадежность.

После провозглашения манифеста любой правоспособный гражданин, достигший 25 лет, а также уплативший гербовый сбор, на основании заявления получал от губернатора два экземпляра свидетельства, разрешающего издание периодического органа на данной территории.

Бурно развивающаяся революционная мысль требовала от каждого политического лагеря функционирования своего периодического партийного органа, где можно было открыто пропагандировать революционные идеи. Поэтому политически активное население, в основном городская интеллигенция, обратила внимание на частную прессу.

Подробную характеристику того времени в Екатеринодаре дал известный исследователь кубанской прессы Борис Митрофанович Городецкий в «Очерке развития русской периодической печати на Северном Кавказе»:

«Описываемое время отличалось небывалым оживлением, лихорадочным интересом ко всему, что связано с вопросом о правах личности. А так как на все эти вопросы, прежде всего, отзывалась ежедневная пресса, то естественно, что главное внимание общественных масс в рассматриваемый период притягивалось к газетам. Газетой заинтересовались все слои населения и даже те, которые до той поры совершенно игнорировали существование печатного слова.

Довольствоваться одними «Ведомостями» уже не приходилось. Тираж столичных газет в области возрастал до огромной и казавшейся прежде неправдоподобной цифры. На улицах Екатеринодара и прочих бойких местах появились разносчики — продавцы газет» [3. с. 154].

Так, если до 1905 года выходило всего лишь одно периодическое издание, чью монополию на короткое время прервала частная инициатива господина Мойсеенко, то в 1906 году на территории Кубанской области выходило уже более 12 наименований периодических изданий.

Еще одним катализатором формирования частной и оппозиционной прессы стало развитие типографского дела в области. Так, кроме войсковой типографии, образованной еще в 1821 году, на территории области в период 1905—1907 гг. функционировали частные типографии А.Я. Парамонова, И.Ф. Бойко, А.Д. Басанько, братьев Борисовых и др. Каждая из них имела возможность печатать газеты, чем и воспользовалась после упрощения цензурных правил.

Например, монархический лагерь был представлен периодическими изданиями братьев Филипповых — «Кубань» (1905—1906), «Привольный край» (1906) и «Черноморское побережье» (1906); либеральный фланг контролировал кадет Николай Михайлович Рындин — «Кубанская жизнь» (1906), «Свобода» (1906), «Свобода слова» (1906); социал-демократический уклон имела официально беспартийная газета Ивана Федоровича Бойко — «Заря» (1906).

И, конечно, отдавая дань времени, в газетах доминирующей стала политическая тематика.

Даже «Кубанские областные ведомости» в конце 1905 года, как справедливо замечает Ю.Л. Хохлач «стали претерпевать значительные изменения. Авторские и передовые статьи, корреспонденции, перепечатки из других изданий, а также «письма читателя» в газете приобрели явный общественно-политический характер» [6. с. 19].

Действительно, в период между 17 октября и 24 ноября 1905 г., когда были приняты «Временные правила о печати», названный историками «медовым месяцем свободы печати» [5. с. 272], большинство газет и журналов выпускали номера изданий без цензуры и обсуждали самые острые темы. Среди них: свержение самодержавия, конфискация помещичьих земель, установление демократической республики и восьмичасового рабочего дня.

Каждая из образованных в самом начале XX века революционных организаций на Кубани после провозглашения Манифеста активно вступила в политическую борьбу, и стремилась вести пропаганду идей среди широких слоев населения через собственный партийный орган.

Стоит отметить, что чисто партийные издания на территории области появились ближе к 1917 году, когда союзы, комитеты и ячейки революционных организаций оформились как партии.

А до этого на территории Кубанской области с 1905 года появляются частные пропартийные или беспартийные издания, сочувствующие тем или иным участникам революционного действия и предоставляющие им свои газетные полосы.

Так, официально беспартийная ежедневная газета «Заря», выходившая в Екатеринодаре под редакторством господина Бойко, не раз замечалась в симпатиях местным социал-демократическим идеям, что не могло не отражаться на ее страницах. Газета братьев Филипповых «Кубань» также не обозначала свою политическую типологию, но с первых же номеров и до появления в газете А. Торопова придерживалась ультраправого направления, затем под натиском новых членов в лице Рындина, Николаева и самого Торопова редакция приобрела кадетский оттенок.

Но в основном местные газеты декларировали надпартийность или внепартийность с целью охвата более широкой читательской аудитории, не собираясь замыкаться на симпатиях одной целевой партийной группы.

Необходимо выделить еще одну особенность прессы изучаемого периода. С появлением в области независимых, оппозиционных изданий расширился круг авторов, пробуемых себя на журна-

листочком поприще. Большею частью это были не профессиональные журналисты, а лица стремившиеся реализовать внезапно появившиеся политические амбиции. Среди новоиспечённых оппозиционных журналистов и редакторов изданий были лица с мирными профессиями: народная учительница — Лидия Бесходарная, врач — Исаяя Меерович, адвокат — Павел Ширский и многие другие. Профессионалов в чистом виде среди них были единицы. Например, Михаил Филиппов, редактор газеты «Кубань», у которого за плечами солидный журналистский опыт в столичных газетах и журналах «Русское обозрение», «Московские ведомости» и «Русское слово».

К началу XX столетия и представители власти, и оппозиционные лидеры местных организаций почувствовали роль и значимость средств массовой информации в сохранении или подрыве политического спокойствия региона.

Так, в своем воззвании к населению Кавказского края, напечатанного в «Кубанских областных ведомостях», наместник Его Императорского Величества на Кавказе и Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа граф Воронцов-Дашков отмечает:

«За последние годы в Кавказском крае, так же, как и во всей внутренней России, образовалось много кружков, тайных партий и сообществ, разъединенных между собой по цели образований и по средствам действий, но имеющих то общее, что все они стремились к одному — к изменению путем нелегальной борьбы существующего государственного строя.

Святой долг успокоения лежит на местной печати, столь развившейся в настоящее время. Пусть органы печати вспомнят, что как каждое их доброе слово во много тысяч раз делает более добра, чем доброе слово одного человека, во столько же делает более зла и каждое их слово злое. Велика поэтому ответственность руководителей печатных органов, как увеличивающих существующую смуту, так и тех, которые уклоняются от дела успокоения населения» [2. с. 2].

Более эмоционально на деятельность оппозиционных изданий реагирует ведущий обозреватель «Кубанских областных ведомостей», известный в области статистик Леопольд Тимофеевич Соколов. Публиковавшийся под псевдонимом Тмутараканский обозреватель отмечал: «После манифеста 17 октября 1905 года <...> революционеры и их жалкие приспешники <...> стали печатать и торговать такими мыслями, о которых раньше боялись даже и думать.

<...> Чтобы привлечь «читателя» наши «просветители» не довольствуются сообщением самых интересных новостей,

подчас — и зажигательных, но еще бьют и «на настроение», поджигая у толпы и отдельных ее членов животные страсти — ненависти, злобы, мщения и своеволия. Пользуясь нынешней обстановкой — революционным настроением толпы — все делается в угоду ее страстей, а «кзлом отпущения» избрано «правительство» [5. с. 2].

Таким образом, Манифест 17 октября и последовавшие за ним «Временные правила о печати» дали мощный толчок для развития региональной политической прессы. Трансформации коснулись не только количества периодических изданий, но самого контента. На смену сухому официальному формату войсковой газеты пришли частные издания с экспрессивно-революционной подачей информации.

Список литературы:

1. Батурин Ю.М. Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. Досье на цензуру. — 1997, — № 1. — С. 71—72.
2. Газета «Кубанские областные ведомости». — 1905. — № 193. — 10 сент., — С. 2.
3. Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе: Доклад, прочитанный на общих собраниях членов Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) в 1913 г.: (По поводу 50-летия издания «Кубанских областных ведомостей»)// Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, — 1913. — Вып. VI, — с. 154.
4. Лепилкина О.И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII — начало XX вв.). М.: Илекса, 2010. — С. 272.
5. Тмутараканский Л. Торгашество печатным словом // Кубанские областные ведомости. — 1906. — № 75. — 7 апр., — С. 2.
6. Хохлач Ю.Л. Региональная специфика медийного представления национального вопроса (на материалах кубанской прессы 1905—1907 гг.): Автореф. дис...канд. филол. наук:10.01.10. Краснодар, 2013. — С. 19.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ТИПОГРАФСКО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА
В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)**

Кононова Татьяна Леонидовна

канд. ист. наук, доцент КГУ,

г. Курск

E-mail: kononova55@mail.ru

**FORMATION AND DEVELOPMENT
OF TYPOGRAPHIES AND PUBLISHING
IN THE CENTRAL BLACK SOIL REGION
(SECOND HALF OF XIX —
BEGINNING OF XX CENTURIES)**

Tatyana Kononova

*candidate of historical sciences, associate professor of Kursk State University,
Kursk*

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — рассмотреть основные направления развития типографско-издательского дела в Центральном Черноземье во второй половине XIX — начале XX вв. Прослеживается динамика роста полиграфических заведений, их техническая оснащенность, социальный состав владельцев и региональные особенности бытования типографий в русской провинции, а также тематика выпускаемых книг. Делается вывод о том, что распространение типографий привело к превращению типографского дела в профессиональное занятие и к увеличению количества изданных в провинции книг и периодических изданий.

ABSTRACT

The aim of the article is to consider the main guidelines of typographies and publishing development in the Central Black Soil region in the second half of XIX th — beginning of XXth centuries. The increase of local printing houses is traced; their technical equipment, social staff, regional peculiarities in the Russian province and subjects of published books are examined. The conclusion is made that spreading of printing

houses caused conversion of typographies into professional occupation and increase of books and periodicals published in province.

Ключевые слова: типографско-издательское дело; типография; литография; печатный станок; развитие печати; книгоиздание.

Keywords: typography and publishing; printing house; lithography; printing press; press development; book publishing.

Типографское и издательское дело в дореволюционной России являлось одной из важнейших сфер культурной и экономической жизни. Вступление России на путь капиталистической модернизации во второй половине XIX в. повлекло коренные изменения в развитии издательского дела и полиграфии. С развитием буржуазных форм хозяйства и ростом предприятий промышленности, транспорта, торговли, банков возрос спрос на печатную продукцию, обслуживающую потребности производства и обращение товарной продукции народного хозяйства (формы отчетности, деловой переписки предприятий и учреждений, рекламы, этикетки, обертки и т. п.).

Быстрое распространение печати, высокая степень ее влияния на умонастроения общества подтолкнули правительство к очередным мероприятиям по регламентации отрасли. В 1865 г. были утверждены «Временные правила о печати», определявшие развитие отечественной печати на протяжении сорока лет [10, с. 397—406]. По закону 1865 г. в провинциальных городах без предварительной цензуры на основании разрешения местных властей могли выходить официальные издания, материалы ведомств и учреждений, труды университетов, научных обществ, а также печататься чертежи, планы, карты.

Печатное производство постепенно совершенствовалось и удешевлялось. С началом 1860-х гг. получают распространение типографские тигельные прессы, так называемые «американки». Они предназначались для изготовления малоформатной продукции, были удобны в управлении, стоили значительно дешевле [8, с. 16]. По цене «американки» оказались доступными не только для средних, но и для мелких предпринимателей.

Таким образом, потребности более интенсивного экономического и социального развития, некоторое послабление цензуры и внедрение новой печатной техники способствовали развитию полиграфического производства в провинции в 1860-е гг., которые мы и определяем как нижнюю границу нашего исследования. Целью данной статьи является проследить становление и развитие типографско-издательских предприятий в Центральном Черноземье России

во второй половине XIX — начале XX вв. на примере трех губерний — Курской, Орловской и Воронежской.

Исторически первыми возникли типографии местных административных учреждений. Типография губернского правления в Курске была открыта в 1834 г. с разрешения Министра внутренних дел [3, д. 2425, л. 31]. Основную продукцию типографии составляли отчеты и доклады, сметы и уставы всевозможных обществ, учреждений и учебных заведений, протоколы заседаний различных комитетов и съездов. Здесь печаталась газета «Курские губернские ведомости». Типография губернского правления в Воронеже не прекращала своей работы с конца XVIII в. Периодически типография сдавалась в аренду частным лицам, но работа типографии только ухудшалась, оборудование не обновлялось. С 1846 г. типография губернского правления больше не сдавалась в аренду, а находилась в заведовании смотрителя. В 1865 г. начинает обновляться оборудование: привозятся станки из Лондона, скоропечатные станки из Петербурга от компании Франца Марка и завода Гольдберга, бумагорезательная машина, шрифты и другие принадлежности. В результате доходы типографии от частных заказчиков увеличились и составляли чуть менее половины общих доходов. В типографии бесплатно печатались бланки и циркуляры для губернского правления, газета «Губернские ведомости», книги, издаваемые губернским статкомитетом [1, с. 16—46].

Во второй половине XIX — начале XX вв. открываются типографии при управлении государственным имуществом (1860 г.) и городской управе (1878 г.) в Воронеже; литография управления губернского воинского начальника (1870 г.), типографии Дома трудолюбия (1907 г.), казенной палаты (1914 г.) и духовной консистории (1909 г.) в Курске; типографии при губернской палате государственных имуществ (1848 г.), губернском воинском начальнике (1866 г.), Брянском арсенале (1877 г.), Севском полицейском управлении (1867 г.) в Орле. Собственная типография имелась также при одном из орловских учебных заведений — Бахтина кадетском корпусе.

В 1860—1870-е гг. собственные типографско-издательские предприятия в Орловской губернии открыли четыре уездных земства: Болховское, Кромское, Ливенское и Малоархангельское. В некоторых уездах Курской губернии также открывались литографии при земских управах — в Белгороде (1884 г.), Новом Осколе (1878 г.), Рыльске (1904 г.). Постановлением Курского губернского земства от 30 ноября 1867 г. было решено учредить свою типографию, которая открылась через год в 1868 г. Первоначально в типографии было 4 станка

и 4 наборщика [6, с. 44]. В 1881 году для типографии была приобретена скоропечатная машина. В 1890 г. в типографии работало 24 человека, в 1902 г. — уже 36 [9, с. 131—132]. Первоочередной задачей типографии являлось обслуживание делопроизводства губернских и уездных земских учреждений. Судя по отчетам типография работала в экономическом отношении без убытков и была занята в основном исполнением земских заказов — печатанием журналов, отчетов, докладов, бланков, не преследуя коммерческих целей. К 1902 г. общий оборот типографии составлял уже 30000 руб. в год, из них частные заказы не превышали 1000 руб. [12, с. 1139—1142].

Частные полиграфические предприятия начинают появляться в середине XIX в. Процедура получения разрешения на открытие типографии или книготоргового заведения была следующей. Подавалось прошение на имя губернатора. Затем делался запрос в полицейское управление по месту жительства — о «нравственных качествах и поведении» заявителя. Результат мог быть как положительным, так и отрицательным. Как правило, отказ мог исходить из соображений «целесообразности» — если соответствующий полицейский чин считал, что в населенном пункте уже достаточно тех заведений, которые существуют. Часто получали отказ просители из других губерний; нередко урядники сообщали, что у заявителя своих средств нет, и он является подставным лицом; или же отказ следовал без объяснения причин, даже при положительном отзыве о заявителе. Немало случаев, когда прошение удовлетворено, выдано свидетельство, но о предприятии нет никаких сведений в официальной статистике, его существование не подтверждается и выпущенной им печатной продукцией. Другие предприятия исчезают, просуществовав совсем недолго, лишь успев зафиксировать свое рождение в официальной статистике.

В Орловской губернии типографско-издательское дело развивалось поступательно. Если до середины XIX в. действовали одновременно 1—2 типографии, то с середины 1850-х гг. их количество постепенно увеличивается. Так, в 1856 г. их было 3, в 1866 г. — 8, 1876 г. — 23, 1886 г. — 26, 1896 г. — 29, 1906. — 33, 1916 г. — 38 [5, с. 200—216]. Во второй половине 1860-х — и до конца 1870-х гг. число типографий в Орле начинает интенсивно увеличиваться. В Орле к крупным частным типографско-издательским предприятиям, которые действовали не одно десятилетие и внесли значительный вклад в формирование местного книжного репертуара, можно отнести предприятия И.С. Чичикаслова, Гавриловых-Турчаниновой, Зайцевых. Более сорока лет просуществовала

типография Оболенского-Матвеевых. Типография М.Л. Чудиновой в Орле была учреждена в 1877 г. До 1914 г. она сменила несколько владельцев, затем была приобретена товариществом «Орловский вестник». Здесь издавались отечественные беллетристические произведения и краеведческие труды, в том числе первая книга И.А. Бунина. В 1877—1917 гг. печаталась газета «Орловский вестник». С 1904 г. в типографии дворянки Е.П. Турчаниновой печаталась газета «Орловский листок объявлений». Типография была хорошо оборудована: в 1908 г. в ней имелись 4 типографские машины, 1 литографская, два литографических станка, 300 пудов шрифтов и другие принадлежности. В 1908 г. ее хотел приобрести издатель газеты «Орловская жизнь» В.В. Михалевский, но губернатор отказал ему в выдаче разрешения. Хорошо была оборудована типография князя Н.Н. Оболенского, перешедшая в 1879 г. к купцу А.П. Матвееву. В 1872—1897 гг. в ней печатался журнал «Орловские Епархиальные ведомости» [4, с. 25—31].

В конце 1860-х гг. в Воронеже кроме казенных было всего 3 частных типографии — купца В.А. Гольдштейна (1858 г.), бывшего фактора губернской типографии, цехового А.П. Сорова (1864 г.) и титулярного советника Г.М. Веселовского (1868 г.). В уездах типографий не было [1, с. 457—458]. Первое частное полиграфическое заведение в Воронеже основал в 1858 г. купец 2-й гильдии В.А. Гольдштейн (в сентябре 1858 г. — литографию, в мае 1859 г. — типографию) [11]. Он создал не только лучшую в городе типографию, литографию и металлографию, но открыл первую частную воронежскую газету «Воронежский листок». На истории этой типографии и ее владельце следует остановиться подробнее.

В.А. Гольдштейн, резчик печатей и специалист-литограф, по мнению воронежских ученых, скорее всего не был коренным жителем, а приехал из Санкт-Петербурга. Гольдштейну удалось создать типографию, которая превосходила по техническому оснащению типографию губернского правления и была лучшей в городе. В 1866 г. в его типографии имелась скоропечатная машина и 6 ручных станков новейшей конструкции, выписанных из Гамбурга. Это повышало качество издательской продукции и усиливало конкурентоспособность предприятия. В 1866 г. в типографии работало 42 человека, и оборот составлял 25 тыс. руб. [7, с. 29—30]. Гольдштейн предпринял издание популярной медицинской библиотеки в 9 томах, детской библиотеки в 10 томах. В его типографии печатались журналы Воронежского губернского земства, «Памятная книжка Воронежской губернии на 1861 г.», учебники, литература духовного содержания. В 1869 г. были напечатаны «Сочинения

Никитина» издателем А.Р. Михайловым с портретом автора, видом надгробного памятника, биографией и примечаниями. В.А. Гольдштейн основал первую частную газету в Воронеже «Воронежский листок». Имя типографа тесно связано с историей местной печати. В его типографии печатались «Воронежский телеграф», «Филологические записки», «Воронежские Епархиальные ведомости», «Воронежский справочный листок» и «Липецкий листок». В 1870 г. Гольдштейн открыл типографию в Острогожске.

После смерти Гольдштейна в 1873 г. обе типографии перешли к его жене Наталье Дмитриевне. Она неплохо разбиралась в полиграфическом производстве, но возглавляла работу типографий только три года — в 1876 г. она умерла. Брат Натальи Дмитриевны, владелец магазина игрушек, продал типографию в Острогожске П.А. Лесницкому, бывшему служащему Гольдштейна, а типографию в Воронеже и права на издание «Воронежского телеграфа» — В.И. Исаеву, чиновнику, совмещавшему службу с работой журналиста и корректора газеты. В.И. Исаев редактировал газету «Воронежский телеграф», состоял членом различных обществ по изучению края. В его типографии печатались справочные издания, учебники, каталоги и прейскуранты магазинов, отчеты различных обществ, книги для народного чтения, календари. Среди книг, напечатанных в типографии Исаева, — «Воронежская старина» в нескольких томах, изданная церковным историко-археологическим комитетом; «Указатель храмовых празднеств Воронежской епархии», составленный архимандритом Д. Самбикиным; статистические сборники Ф.А. Щербины; «Добро и зло в истории рода человеческого по свидетельству святого писания» И. Иванова (1894 г.); «Практические заметки по управлению паровозом, ремонту и отоплению его...» П.А. Янушевского и др. В конце XIX в. в типографии работало 70 человек, по производственной мощности она уступала только печатне Яковлева.

В.И. Исаев руководил типографией 28 лет. В 1904 г. по состоянию здоровья ему пришлось оставить работу в типографии, в 1908 — редакторство в газете «Воронежский телеграф». Типографию Исаев передал в дар своим бывшим служащим — мещанам Н.А. Кравцову, Н.А. Головастикову и П.Л. Балашову, цеховому А.Н. Аверину и крестьянину Г.М. Логвинову, которые организовали товарищество с общим капиталом 32 500 руб. К товариществу «Н. Кравцов и К» перешло также право на издание газеты «Воронежский телеграф» [2]. Высокая репутация заведения позволяла новым владельцам получать выгодные заказы и расширить штат. В 1911 г. в типографии имелось 5 скоропечатных машин немецкого завода «Аугсбург», 1 обычная машина, 1 «американка»,

2 типографских станка, проволочно-шивательная машина и другое оборудование. Стоимость машин, оборудования и принадлежностей оценивалась в 40 845 тыс. руб. Все машины — зарубежного производства, приобретались в Москве и Санкт-Петербурге у представителей фирм заводов-изготовителей [7, с. 66].

В 1880-е гг. количество частных типографий в Воронеже продолжает увеличиваться. К 1889 г. в Воронеже 2 казенных заведения (губернского правления и городской управы), типография правления товарищества «Печатня С.П. Яковлева» и 6 частных предприятий — коллежского секретаря В.И. Исаева, титулярного советника Г.М. Веселовского (с 1868 г.), жены коллежского регистратора В.В. Ануфриевой (1881 г.), титулярного советника В.В. Юркевича (1886 г.), титулярного советника И.К. Стародубцева (1886 г.), запасного рядового Н.Л. Гребенщикова (1888 г.). Следует отметить, что книги печатались лишь в двух-трех лучших типографиях, в остальных — акцидентная продукция.

Книги, в основном беллетристического содержания, печатал также в своей типографии Григорий Михайлович Веселовский, воронежский журналист, автор трудов о Воронежском крае, издатель газеты «Дон». Как писал Н.В. Воскресенский, издание книг «не принесло издателю особенно больших убытков только потому, что они, большею частью, составляли перепечатку из собственной газеты и печатались в своей же типографии» [1, с. 447].

Первым частным полиграфическим предприятием в Курске стала литография курского купца Федора Федоровича Пригожева, открытая им в 1850 г. В 1858 г. он открыл и типографию, для которой приобрел в 1866 г. скоропечатную машину [3, д. 1413, л. 21]. В 1882 г. типолитография Пригожева перешла к его сыну, Георгию Федоровичу. В 1891 г. дочь Ф.Ф. Пригожева, Софья Федоровна, продала типографию коллежскому советнику К.П. Протодиаконнову и крестьянину Грайворонского уезда И.С. Ванину [3, д. 3437, л. 68].

К концу XIX века в Курске работают 3 частных типографии: Н.Г. Домарева, братьев Н.С. и И.С. Ваниных, И.С. Булгакова.

Братья Н.С. и И.С. Ванины, крестьяне деревни Дроновка Грайвороновского уезда, начали заниматься типографским делом в 1888 г. в Грайвороне, где открыли свою типографию. В 1891 г. Иван Сергеевич передал типографию брату Николаю Сергеевичу и переехал в Курск, где вместе с коллежским советником К.П. Протодиаконновым приобрел типографию у С.Ф. Пригожевой. В 1893 году во владельцах числятся только братья Ванины. Типография Ваниных в Курске не раз переезжала с места на место. Судя по архивным документам, дела в типографии шли неплохо. Братья занимались не только печатанием

акцидентной продукции, но издавали книги: Соковнин П.Н. «Какую пользу может принести крестьянам кормовой бурак и как его сеять» (1901); «Чудесное спасение от взрыва и история чудотворной иконы Знамение Пресвятой Богородицы, именуемой Курскою» (1898). В 1899 г. Иван Сергеевич Ванин начал издавать газету «Курский листок объявлений», в которой печатались объявления и расписание поездов на железной дороге [3, д. 9595, л. 2—6]. В 1903 году братья Ванины неожиданно продали типолитографию П.З. Либерману.

Если типография Пригожева была старейшей в Курске, то полиграфическое заведение купца Николая Григорьевича Домарева оказалось самым долговечным — оно существовало больше сорока лет — с 1871 г. по 1911 г. Типолитография располагалась в собственном доме ее владельца Домарева, на Херсонской улице. Н.Г. Домарев был гласным Курской городской думы, действительным членом епархиального братства преподобного Феодосия Печерского. В типографии Домарева печатались «Курская газета» и «Курский листок». В 1911 г. типографию Домарева купил П.З. Либерман, который, очевидно, стремился монополизировать типографское дело в городе [3, д. 7822, л. 41].

На Херсонской улице в собственном доме держал также типографию почетный гражданин г. Курска Иван Сергеевич Булгаков (типографию — с 1888 г., литографию — с 1887 г.). Предприятие было небольшим — в 1913 г. там работало 5 рабочих. В 1914 г. типография перешла к его сыну, Ивану Ивановичу [3, д. 8313, л. 7].

Примечательно дело об открытии типографии М.И. Конева. Михаил Иванович Конев, крестьянин деревни Прямыцыно Курского уезда, имел опыт работы в полиграфии. Проработав 25 лет старшим наборщиком в типографии Дома трудолюбия, в 1908 г. Конев подал прошение о разрешении ему открыть собственную типографию. Он хотел не только выполнять частные заказы, но и печатать местную газету «Курская бль» (издатель газеты Н.Е. Марков — политический деятель черносотенного толка, с 1906 по 1917 гг. издавал черносотенную газету «Курская бль»). 3 сентября 1908 г. Коневу было выдано свидетельство, он приобрел 1 скоропечатную машину и 1 «американку» [3, д. 7879, л. 2—6]. Через год Конев неожиданно подал прошение о разрешении ему передать свою типографию редактору «Справочной газеты» А.А. Берестецкому. В передаче ему было отказано, но свидетельство не вернули. Конев вновь обращается с просьбой возобновить закрытую по собственному желанию типографию. Любопытно, что в деле содержится также заявление от содержателя типолитографии П.З. Либермана о том, что Конев «продал ему весь инвентарь и обязался никогда в Курске

типографию не открывать» [3, д. 7879, л. 18]. Судя по всему, бывший крестьянин и рабочий Конев или был введен в заблуждение, или просто обманут Берестецким и Либерманом. Последний, скорее всего, хотел устранить конкурента (довольно странно выглядит и приобретение Либерманом успешной типографии братьев Ваниных). Только в феврале 1913 г. Коневу все-таки удалось вновь получить свидетельство и открыть свою типографию «Печатник». В июле 1913 г. у него работало 6 человек.

Крупнейшим полиграфическим предприятием в Курске оказалась типография Пейсаха Залмановича Либермана (бывшая Пригожева и братьев Ваниных). П.З. Либерман был уроженцем Полтавы, где работал наборщиком в типографии Подземского. Он не сразу получил разрешение на открытие типографии в Курске. Купив типографии братьев Ваниных и Домарева, Либерман по сути, монополизировал частное типографское дело в городе. Остальные типографии были небольшими и не могли составить ему конкуренции. Любопытно, что в 1914 г. одному из содержателей типографии И.В. Колоскову пришлось сократить 8 человек. Находясь на грани разорения, он пытался получить разрешение на издание в Курске газеты «Курский край». Уверяя, что его издание будет чисто коммерческим и чуждо политики, И.В. Колосков писал в своем прошении: «Прошу не дать разориться Новому единственному русскому типографскому делу по Московской ул. рядом с Либерманом. Бороться с Либерманом очень трудно, в особенности малыми средствами и без поддержки, ведь русские не евреи, один другого никогда не поддержит, и даже большинство членов Союза русского народа отдают работу Либерману» [3, д. 8567, л. 1—31]. Либерман занимался также распространением множительной техники, продавал канцелярские товары. В его типографии печатались такие полиграфически хорошо исполненные книги как «Мой сад» Д.Д. Сонцова (1913 г.), «Борьба с дороговизной в Курске» А.М. Маркова (1915 г.), литературный сборник «Белый цветок» (1914 г.) и др. Можно сказать, что это предприятие было самым крупным в Курске: в 1913 г. на нем трудилось 104 человека.

В 1913 г. в Курске насчитывалось 7 типографий и 4 типолитографии, на которых трудилось 194 человека. В среднем на предприятиях в 1910 г. работало от 28 до 48 рабочих. Самой крупной была типография Либермана — в 1910 г. там трудилось 60 человек, самые маленькие — типография Конева (6 рабочих), казенной палаты (3 рабочих), Булгакова (5 рабочих) [3, д. 8437, л. 68].

Анализ архивных, библиографических, справочных источников дает возможность определить характерные черты развития

полиграфического производства в губерниях Черноземного центра. В течение всего исследуемого периода наблюдается устойчивая тенденция роста количества типографий и литографий, что свидетельствует о нарастающей потребности в исполнении различного рода печатных работ. Происходят качественные изменения в технической оснащённости полиграфических предприятий — документы свидетельствуют о внедрении в провинциальные полиграфические предприятия новой техники, улучшении оборудования, приобретении скоропечатных машин.

Типографское и издательское дело превращается в профессиональное занятие и основной источник доходов. Значительная часть предприятий находилась в частной собственности, и лишь незначительное число типографий и литографий содержали государственные губернские и уездные учреждения, учебные заведения, земства, общественные организации, промышленные предприятия и акционерные общества. Предпринимательством в типографском деле занимались мещане, купцы, крестьяне, почетные граждане, дворяне, военные, чиновники. Наиболее значительный прирост количества типографско-издательских предприятий наблюдается в Орловской губернии в период со второй половины 60-х до конца 70-х гг. XIX века, в Воронежской — во второй половине 1880-х гг., в Курской — в 1890-е гг. Правительство подвергало типографские и литографские заведения строгому надзору и регламентации. Оно не только ставило под контроль действующие типографии, но и сдерживало открытие новых, сужая возможности частного бизнеса. Так, в Курске строго контролировалось количество частных типографий, уездные урядники часто считали открытие второй типографии в уезде нецелесообразным. Книги печатались не во всех типографиях. Множество мелких полиграфических заведений не оставили после себя в книжном деле каких-либо заметных следов, ограничивали свою деятельность печатанием всевозможных бланков, счетов, чеков, афиш, объявлений, этикеток. Однако именно в этот период возрастает количество книг и периодических изданий, печатающихся в провинции, что характерно и для Центрального Черноземья.

Список литературы:

1. Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие воронежских губернских ведомостей: исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников Воронеж: Типо-лит. губерн. правл., 1888.
2. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2115. Л. 2.

3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1.
4. Жукова Ю.В. Книжное дело Орловской губернии: конец XVIII — начало XX вв.: справочник. Орел: Издатель А.В. Воробьев, 2005.
5. Жукова Ю.В. Основные тенденции развития типографско-издательского дела в Орловской губернии // Девятые Денисьевские чтения: материалы межрегион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. по проблемам истории, теории и практики библиотечного дела, библиотековедения, библиографоведения и книговедения, г. Орел, 25—26 окт. 2012 г. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2012.
6. Журналы Курского губернского очередного земского собрания с 17 ноября по 6 декабря 1868 г. Курск: Печ. в зем. тип., [1868].
7. Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж»: история и современность. 140 лет. Воронеж: ИПФ «Воронеж», 1998.
8. Книга в России. 1861—1881: т. 2 /под общ. ред. И.И. Фроловой. М.: Книга, 1990.
9. Краткий исторический очерк деятельности земства Курской губернии за 35-летний период. 1866—1901. Курск, 1902.
10. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях: [Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 6.04.1865] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 40: Отделение I. СПб., 1867.
11. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 614. Л. 57—58 об.
12. Свод постановлений Курского губернского земства (с 1892 по 1901 включительно) / сост. под ред. И.П. Белоконского. Курск: Тип. губерн. Земства, 1903.

**«КУБАНСКИЕ ОБЛАСТНЫЕ ВЕДОМОСТИ»
В ПЕРИОД РЕДАКТОРСКОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Лучинский Юрий Викторович

*д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории
и правового регулирования массовых коммуникаций
Кубанского государственного университета,*

г. Краснодар

E-mail: Luv33@mail.ru

**«KUBANSKYE OBLASTNYE VEDOMOSTI»
IN THE PERIOD OF THE EDITORIAL
INSTABILITY**

Luchinskii Yuri Victorovich

*doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History
and Legal Regulation of Mass Communications of the Kuban State University,
Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается период «редакторской нестабильности» в истории «Кубанских областных ведомостей» — единственной газеты, выходившей в то время в Кубанской области. Проведена реконструкция биографий редакторов, возглавлявших газету с 1873 по 1879 годы.

ABSTRACT

The article deals with the period of "the editorial instability" in the history of the "Kubanskye oblastnye vedomosti" — the only newspaper published at the time in the Kuban region. The re-construction of the biographies of the editors, who headed the newspaper from 1873 to 1879 years is held.

Ключевые слова: период «редакторской нестабильности», «Кубанские областные ведомости», неофициальная часть газеты, типология периодического издания, Северный Кавказ, Кубанская область, редакторская политика.

Keywords: the period of "the editorial instability", "Kubanskye oblastnye vedomosti", the unofficial part of the newspaper, the typology of the periodicals, the North Caucasus, the Kuban region, the editorial policy.

Период с 1873 по 1879 годы стал для единственной газеты Кубанской области периодом редакторской нестабильности с частой сменой редакторов, назначаемых из чиновников местной администрации. Связано это было, в первую очередь, с трансформацией самой концепции периодического издания, которое должно было отвечать новым задачам, стоящим перед начальником Кубанской области, и изменением медиаландшафта всего Кавказского края.

В течение шести лет генерал Николай Николаевич Кармалин пытался найти подходящего редактора, пока его выбор не остановился на Евгении Дмитриевиче Фелицыне, руководившего «Кубанскими областными ведомостями» с 1879 по 1892 годы.

Имена же редакторов обозначенного периода практически не привлекали внимания исследователей, что, с нашей точки зрения, является не совсем оправданным. Единственным специалистом, который хоть немного остановился на описании лиц, стоявших во главе областной газеты, был Борис Митрофанович Городецкий, но его «Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе» был опубликован в Екатеринодаре в 1914 году, то есть почти сто лет назад. При этом Городецкий только называет фамилии, не уточняя имен, а также не касаясь биографических подробностей.

Сложность восстановления биографий пяти редакторов, чья деятельность пришлась на указанный период состоит в том, что, с одной стороны, в Государственном архиве Краснодарского края не сохранились формулярные списки данных лиц, а, с другой стороны, эти чиновники меняли место службы, переезжая в другие города и территории и меняя род занятий.

Начнем с наименее известного редактора, которому было суждено подписывать своим именем всего лишь три номера неофициальной части газеты, которую он возглавлял с 20 января 1873 года. До последнего времени была известна только его фамилия — Сократов.

Вначале удалось найти в официальной части «Кубанских областных ведомостей» следующее сообщение:

«Уволен от должности Старший делопроизводитель Кубанского Областного Правления Василий Сократов за перемещением его кандидатом на судебную должность при Ставропольском окружном суде с 12 февраля сего года» [4. № 8].

Однако обнаружить его в списках членов Ставропольского окружного суда не удалось, однако удалось установить, что с 1876 по 1878 годы Василий Семенович Сократов продолжил свою деятельность в качестве исполняющего делами постоянного члена Кавказской археографической комиссии, где работал под руководством самого Адольфа Петрович Берже — одного из крупнейших специалистов по истории и этнографии Кавказа.

Таким образом, на месте неизвестного чиновника с редкой фамилией Сократов появилась фигура, требующая дальнейшего изучения, так как Василий Семенович Сократов принимал участие в издании знаменитых «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» — ценнейшего источника в области кавказоведения.

Первые два номера «Кубанских областных ведомостей» за 1873 год (до появления «утвержденного» редактора Сократова) редактировал М.А. Синеоков, а после отъезда Сократова «с шестого номера неофициальная часть газеты переходит опять к и. д. редактора Синеокову» [3. с. 60].

Коллежский советник Михаил Андреевич Синеоков был старшим чиновником для особых поручений при начальнике Кубанской области (с 1871 года) и, по долгу службы назначенный исполняющим обязанности редактора, был вынужден вникать в особенности редакторского дела.

Одно из них было связано с разногласиями по поводу необходимости печатания опровержений. Вопросов в губернских ведомостях по всей Российской империи накопилось много, поэтому 6 июня 1873 года из Главного управления по делам печати последовало своевременное разъяснение по данному правовому казусу:

«Относительно обязательного печатания в повременных изданиях опровержений появившихся в них известий, существуют в законе о печати два постановления. Одно — Высочайшее повеление, составившее 1-е дополнение статьи 163 Цензурного Устава (помещенное в продолжении 1863 года 4. IV, и не отмененное в последующих продолжениях). Этот закон обязывает периодические издания печатать бесплатно опровержения, доставленные местами и лицами, упомянутыми в известиях и статьях, вызывающих опровержения» [1. с. 39].

Стоит отметить, что «Кубанские областные ведомости» продолжали выходить еженедельно по субботам, тираж также не изменился со времени ее открытия — 460 экземпляров.

В мае 1873 года в газете появилась «майкопская тема». В номере 20 появилась первая публикация Евгения Дмитриевича Фелицына

(будущего «долговременного» редактора «Кубанских областных ведомостей») под названием «Майкоп и его жизнь». Материал имел подзаголовок — «Фельетон в виде корреспонденции».

До начала 1875 года Синеоков оставался на посту главного редактора, чтобы уступить своё место «старшему делопроизводителю Кубанского Областного Правления по временному штату» Константину Николаевичу Карпинскому, занимавшему должность делопроизводителя с 1871 года.

«Синеокова на № 12-ом в 1875 году сменил в качестве и. д. редактора неофициальной части «Ведомостей» Карпинский, редактировавший газету до 24-го номера 1877 года: №№ 25—28 за тот же год за него подписывал Капустин, а в конце года его место занял В. Беспалов. При Карпинском значительно увеличился отдел газетных телеграмм, что легко объяснить всеобщим интересом к возникшим тогда неприятельским действиям турок с герцогвинцами, черногорцами и болгарами.

Тогда же начинают в газете свое сотрудничество Е.Д. Фелицын — будущий редактор-реформатор ее и священник Матвеев, немало потрудившийся на поприще упорядочения нужд станичной жизни и искоренения среди сельского населения суеверий и пьянства. При Беспалове газета бледнеет и внимание читателей ее сосредотачивается исключительно на телеграммах.

На № 31-м Беспалова сменяет Е. Кириллов, утвержденный редактором на № 40-ом. Неофициальная часть газеты при нем заполняется главным образом известиями из театра турецкой войны и заметками-корреспонденциями по тому же вопросу. Вообще «Ведомости» этого периода не отличаются ни полнотою сведений, ни удачным их подбором» [3. с. 61].

Старший делопроизводитель коллежский ассессор Константин Николаевич Карпинский в начале 1877 покинул пост главного редактора газеты «за определением чиновником особых поручений Ставропольской казенной палаты, по надзору за правильным производством торговли и промыслов» [4. № 40—41], при это стоит отметить тот факт, что при Карпинском тираж «Кубанских областных ведомостей» вырос до 650 экземпляров.

В Ставропольской казенной палате Константин Николаевич Карпинский прослужил в должности чиновника особых поручений по надзору за торговлей и промыслами до 1888 года, дослужившись до надворного советника (1880) и коллежского советника (1885).

Преемниками Карпинского оказались чиновники — В.И. Капустин и В.И. Беспалов.

Василий Иванович Капустин был «младшим чиновником особых поручений при войсковом хозяйственном управлении не имеющий чина», а Беспалов Василий Ивлиевич — «младшим делопроизводителем, исполняющий должность канцелярского служителя», то есть оба оказались людьми достаточно случайными в качестве редактора неофициальной части «Кубанских областных ведомостей».

Судьба Евгения Александровича Кирилова, также не сказавшего своего слова в развитии газеты, на настоящий момент известна в большей степени, нежели биографии его коллег по «переходному периоду» в истории «Кубанских областных ведомостей».

Родился сын обер-офицера 10 декабря 1847 года. По окончании семи классов Таганрогской гимназии он был «определен канцелярским служителем Кубанского областного правления 2 разряда, с допущением к исправлению должности младшего делопроизводителя», а с 28 июля 1877 года на него были возложены обязанности редактора «Кубанских областных ведомостей», каковые он исполнял до 15 июня 1879 года.

Дальнейшая карьера Е.А. Кирилова была связана с нотариатом — 30 октября 1882 года председатель Тифлисской судебной палаты назначил его нотариусом города Темрюка [2. с. 1об].

Свою службу он знал неплохо, пользовался всеобщим уважением, и в июне 1885 года был назначен на трехлетний срок почетным мировым судьей Темрюкского округа.

24 февраля 1889 года Кирилов был «переведен на такую же должность младшего нотариуса в г. Ейске», а «в 3 день февраля 1903 г. Всемилоостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 3 степени за двенадцатилетнюю службу в должности нотариуса» [2. с. 1]. Нотариальную деятельность он вел в Ейске до 1919 года.

Список литературы:

1. ГАКК, ф. 396, оп. 2, д. 884, л. 39.
2. ГАКК, ф. 482, оп. 2, д. 607, л. 1-1 об.
3. Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. Екатеринодар, 1914. — С. 60.
4. Кубанские областные ведомости, — 1873. — № 8 (24 февраля).

ЯРМАРОЧНЫЕ ГОРОДА УРАЛА В XIX ВЕКЕ

Мельникова Лариса Александровна

*канд. пед. наук, старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела*

*Уральского Юридического института МВД России,
г. Екатеринбург*

E-mail: larismelnikova@yandex.ru

URAL FAIR TOWNS IN XIX CENTURY

Larisa Melnikova

*candidate of pedagogic sciences, senior research scientist of Research
Department of Ural Juridical Institute
of Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

В статье автор исследует ярмарочные города Урала в XIX веке. Для ярмарочных городов характерно выгодное географическое положение, покровительство ярмарке со стороны городских властей и активное участие в ярмарке горожан. Наиболее крупными ярмарками в Пермской губернии были Ирбитская и Крестово-Ивановская. В Вятской губернии крупной ярмаркой была Алексеевская ярмарка, проводимая в городе Котельнич.

ABSTRACT

The author studies Ural fair towns in XIX century in his article. It is typical of fair towns to have a profitable geographical location, a protection of town authorities and an active involvement of citizens in the fair. The biggest fairs in Perm province were the Irbit and the Krestovsko-Ivanovskaya fairs. In Vyatka province the biggest fair was the Alexeyevskaya fair carried out in town Kotelnich.

Ключевые слова: ярмарка, ярмарочные города, Урал, Ирбит, Крестово-Ивановская ярмарка, Котельнич, Алексеевская ярмарка.

Keywords: fair; fair towns; Ural; Irbit; the Krestovsko-Ivanovskaya fair; Kotelnich; the Alexeyevskaya fair.

В XIX веке территория Урала включала в себя Пермскую, Вятскую и Оренбургскую губернии. В этот период города Урала можно разделить на три группы: 1. Растущие торгово-экономические центры (Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Шадринск и др.). 2. Старые торговые и административные центры (Чердынь, Соликамск, Красноуфимск, Верхотурье). 3) Города, «учрежденные» в конце XVIII века в качестве административных центров, в которых торговля и промышленность существенного развития не получили (Оса, Оханск и др.) [7].

Вместе с тем существовали города, в которых регулярно проводились ярмарки, носившие международный, всероссийский или региональный характер. Как правило, промышленность в таких городах была развита слабо, а жизнедеятельность населения была полностью посвящена ярмарке. Это так называемые ярмарочные города.

Для возникновения ярмарочного города необходимо наличие следующих факторов: 1. Выгодное географическое положение для осуществления ярмарочного торга. 2. Покровительство ярмарке со стороны властей. 3. Участие в ярмарке населения города.

Пермская и Вятская губернии превосходили другие регионы Урала по численности населения и количеству уездных городов. При этом если Пермской губернии была одним из наиболее развитых промышленных районов Урала, то Вятская губерния представляла собой одну из самых крестьянских губерний, ориентированной на сельское хозяйство.

Наиболее крупными ярмарками в Пермской губернии были Ирбитская и Крестово-Ивановская.

Строительство города Ирбита началось с крепости в 1631 году. Возникновение ярмарки в Ирбите не было случайностью. Ирбит имел выгодное географическое положение для организации торговли. Город находился посередине длинного и трудного пути из Сибири. Вследствие этого здесь довольно рано возникает небольшой торжок, узаконенный царем в 1643 году.

Торговля в Ирбите первоначально велась стихийно, под покровительством местного купечества. В первой четверти XVIII века город стремительно развивается. Значительно выросло население города. Если в 1710 году в городе насчитывалось 39 дворов с населением 293 жителя, то в 1781 году общая численность душ мужского пола составила 402 человека. В 1789 году в Ирбите было выстроено 245 обывательских домов, в которых проживало 786 человек. В 1801 г. домов стало 369, в том числе три каменных. В этот период в городе проживало 783 жителя. Данный факт

свидетельствует о том, что строительство домов опережает приток жителей, так как с возникновением ярмарки дома стали строиться для приема большого количества людей, приезжающих на ярмарку. Таким образом, ярмарка становилась неотъемлемой частью города. Как отмечает исследователь Д.Е. Резун, «в XVIII веке Ирбит становится «рыночным городом» в том смысле, что город и ярмарка сливаются в единое целое» [4, с. 68—69].

В первой половине XIX века значительно выросло количество лавок и каменных домов. С 1825 по 1856 годы количество домов увеличилось в 1,6 раза, а количество лавок — в 2,9 раза. Вместе с тем число жителей оставалось почти неизменным [4, с. 71].

С развитием ярмарки значительно выросло и благосостояние местных жителей, так как жизнь города полностью зависела от ярмарки. Об этом свидетельствовали дома местных жителей, большинство из которых строились из камня. Значительно увеличилось и население города. Если в 1804 году количество домов местных жителей было не более 388, то в 1870 году их уже было около 1000 [5, с. 3].

Следует отметить, что в Ирбите дома были приспособлены для принятия большого количества людей, приезжающих на ярмарку. Первые этажи обычно сдавались под склады, а вторые — под номера. Во дворе строился флигель. В Ирбите даже простые дома строились в два этажа и с полуподвалом, но домов все равно не хватало. Поэтому сдавалось любое помещение, а хозяин с семьей перебирался куда придется. Приходилось жить даже в бане [6].

Ярмарочная торговля велась на торговой площади. Центральная улица пересекала площадь с востока на запад и называлась Торговой. С южной стороны гостиного двора была построена Сретенская церковь, у которой также была образована площадь. Южнее выстроена Воскресенская церковь, площадь перед которой также использовалась для торговых целей. Долгое время это место называлось «черным рынком». Воскресенская площадь называлась Сенной, так как здесь продавали сено, конскую упряжь, рыбу, зерно и др. [1].

Крестово-Ивановская ярмарка проходила с 1 августа по 1 сентября в селе Кресты Шадринского уезда, являясь одним из основных посредников торговли с Сибирью. По своему значению и торговым оборотам ярмарка занимала третье место после Нижегородской и Ирбитской ярмарок [8].

В Вятской губернии крупной ярмаркой была Алексеевская ярмарка, проводимая в городе Котельнич. Первое упоминание о городе Котельнич датируется 1459 годом. Город имел выгодное для проведения ярмарки географическое положение. Он был расположен

на правом берегу реки Вятки, в середине Вятской земли, связывая города Хлынов с Устюгом и Архангельском по рекам Вятке, Моломе, Югу и Северной Двине. По рекам Волга, Кама и Вятка город соединял среднее и нижнее Поволжье. Через город проходили два сухопутных тракта — из Москвы и Санкт-Петербурга на Сибирь.

Алексеевская ярмарка появилась во второй половине XVII веке, проводилась с 1 по 23 марта и была названа в честь покровителя города Преподобного Алексия. Первоначально это был конный торг. Главной была Верхняя (сенная) площадь. Здесь торговали телегами, колесами, тарантасами, санями, мебелью. Гостиный двор располагался в центре города. На Нижней площади строились балаганы, карусели, аттракционы [3].

Как и в других ярмарочных городах, Алексеевская ярмарка приносила значительный доход городскому бюджету и населению города. Жители города готовили все необходимое для проведения ярмарки: перестраивали дома, достраивали комнаты с отдельным входом, особенно те, которые находились вблизи ярмарочного комплекса. Некоторые горожане могли сдавать одновременно по 5—6 комнат на все время проведения ярмарки. Домовладельцы более скромных домов сдавали комнаты посуточно [2].

Следует отметить, что ярмарка проводилась в пост. В связи с этим количество развлечений было ограничено. Однако впоследствии ярмарка приобрела все характерные для нее атрибуты: карусели, цирк, зверинец и др.

Список литературы:

1. Аникин В. Площади города / В. Аникин // Город Ирбит. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.irbit.info/5503/> (дата обращения: 06.09.2013).
2. Бурдина Г.М. Экономическая деятельность городской семьи второй половины XIX — начала XX в.: на материалах уездных городов Вятской губернии / Г.М. Бурдина. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.rusnauka.com/8_NMIW_2012/Istoria/1_104192.doc.htm (дата обращения: 06.09.2013).
3. Город Котельнич. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.archidesignfrom.ru/2158-kotelnich.html> (дата обращения: 06.09.2013).
4. Резун Д.Е. Город Ирбит в XVIII — первой половине XIX века / Д.Е. Резун // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2000. — 282 с.

5. Серебренников П.Н. Опыт медико-топографического описания г. Ирбита и Пермской губернии: С планом города и диаграммами / П.Н. Серебренников. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1885. — 141 с.
6. Смирных А.И. Гостиница — весь город / А.И. Смирных // Город Ирбит. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.irbit.info/history/vospom.php?ID=1261&PAGEN_1=3. (дата обращения: 06.09.2013).
7. Урал — 17. Первая половина XIX века, экономика / Сибирская вольтота. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.volgota.com/> (дата обращения: 06.09.2013).
8. Шадринск вторая половина XIX века // Шадринск. Зауралье. История края. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://delta-grup.ru/2/3.htm> (дата обращения: 06.09.2013).

ПРИЧИНЫ ИЗБРАНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВА НА ЦАРСКИЙ ТРОН

Ткаченко Александра Викторовна

учащаяся Лицей БГУ,

г. Минск

E-mail: alexvictk@mail.ru

Третьяк Сергей Александрович

*канд. ист. наук, заведующий отделом новейшей истории
Республики Беларусь Института истории НАН Беларуси,*

г. Минск

E-mail: dynochius@mail.ru

REASONS OF MIKHAIL ROMANOV'S ELECTION ON TSAR'S THRONE

Tkachenko Alexandra Victorovna
student of Belarusian State University's Lyceum,
Minsk

Tretyak Serghei Alexandrovich
candidate of historical sciences, head of the new history's department
in the Republic of Belarus's Institute of History NAS of Belarus,
Minsk

АННОТАЦИЯ

В 1612 году заканчивался период Смутного времени. Осталась одна проблема: кто станет новым русским царём?

Сын опального боярина, Михаил Фёдорович Романов взошёл 11 июня 1613 г. на царский престол в Москве, став родоначальником династии Романовых, правивших Российским государством 304 года. Цель исследования — выяснить, почему 11 июня 1613 года был выбран на царствование Михаил Фёдорович Романов.

ABSTRACT

In 1612 the Time of Troubles had been ending, but one problem was left — who will become the new Russian Tsar?

Out of favour boyar's son, Mikhail Fyodorovich Romanov was crowned on reign in Moscow on 11 June 1613, and became the beginner of Romanov's dynasty, which has ruled Russia for 304 years. The object of that work is to understand, why on 11 June 1613 Mikhail Fyodorovich Romanov was chosen to be Russian Tsar.

Ключевые слова: Земский собор 1613 года; кандидаты на царский престол; Владислав IV Ваза; Карл-Филипп; князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой; князь Дмитрий Михайлович Пожарский; Второе Ополчение; Михаил Фёдорович Романов; родство Романовых с Рюриковичами.

Keywords: Zemsky Sobor of 1613th year; candidates on Tsar's Throne; Władysław IV Vasa; Charles Philip of Sweden; duke Dmitry Timofeyevich Troubetzkoy; duke Dmitry Mikhaylovich Pozharsky; the Second Volunteer Army; Mikhail Fyodorovich Romanov; Romanov's kinship with Rurik dynasty.

В 1612 году закончилась междоусобица Смутного времени, нанёсшее немалый экономический и военный урон российскому государству. Из Москвы были изгнаны поляки, была упразднена угроза унии и владычества польской короны. К концу подходил кризис владычества связанный с гибелью старшей ветви Рюриковичей и чехарды «Дмитриев» на московском престоле. Осталась одна проблема — кто станет новым русским царём, наденет на себя Шапку Мономаха?

Большая часть людей, прибывших на Земский собор 1613 года, тут же разделилась на партии сторонников того или иного кандидата на царский трон. Наибольшее число людей стояло за сына короля Речи Посполитой Сигизмунда III Владислава IV, герцога Сёдерманландского Карла-Филиппа, князей Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Дмитрия Михайловича Пожарского. Последним в списке кандидатов стоял сын опального боярина Михаил Фёдорович Романов. По неким причинам, споры о которых не прекращаются даже до сих пор, именно Михаил Фёдорович взойшёл 11 июня 1613 г. на царский престол в Москве, став родоначальником династии Романовых, правивших Российским государством 304 года [7].

Многие историки, со времён Татищева, не прекращают полемику о причинах избрания неопытного юноши Михаила Фёдоровича на царствие. Одни искренне верят в то, что юному Романову было едва ли не предначертано свыше стать царём всея Руси. Другие предполагают, что имел место быть шантаж, возможно даже подкуп во время выборов. Поэтому исследование причин, по которым Михаил Роман был избран на царский престол, является **актуальным**.

Цель исследования заключалась в том, чтобы выяснить, почему 11 июня 1613 года был выбран на царский трон именно Михаил Фёдорович Романов. При этом решались следующие **задачи**:

1. Изучить биографию каждого из пяти кандидатов на московский престол, получить представление об их характерах, деятельности до и после Смуты.
2. Выяснить, как повлияли деятели на историю большой междоусобицы, их мотивы, которыми они руководствовались
3. Понять, были ли достойны соперники венчаться на царствование.

Цель работы определила **объект исследования** — причины, на основании которых царём был избран именно Михаил Романов. **Предметом исследования** является исследование личности каждого претендента на московский престол.

Не смотря на всю свою амбициозность во внешнеполитических планах, Владислав IV Ваза был слабохарактерен, нередко пуская

всё на самотёк, что приводило к плачевным последствиям [9]. При возможном правлении Владислава IV Вазы в качестве московского царя с отцом в качестве регента, русские имели все шансы повторить судьбу Великого княжества Литовского, земли которого после Люблинской унии стали заполнять католические, а позднее — и униатские, храмы, вытеснявшие православную религию.

К сожалению, о Карле-Филиппе, как и о Владиславе IV Вазе информации существует немного. И если в случае с королём Речи Посполитой все документы о королевиче, оставшиеся после Семибоярщины, были уничтожены, то о Карле-Филиппе не осталось практически никаких сведений, потому что он не интересовал хронистов и историков. Ведь в 1613 году Карл-Филипп был ещё ребёнком — ему исполнилось всего-навсего 12 лет! [6]

Поступки, которые совершал Дмитрий Трубецкой никак нельзя назвать героическими. Не раз он менял своих патронов, как только начинал чувствовать, что их дни сочтены. Кроме того, на князе до сих пор лежит подозрение в убийстве своего соперника Прокопия Ляпунова. Тем не менее, историки из города Фрязино: Г.В. Ровенский и Н.В. Потапов издали в 2011 году книгу «Князь Дмитрий Трубецкой — Спаситель Отечества. 1611/12 гг.», где они пытаются обелить «незаслуженно забытого одного из главных Героев Смутного времени». К сожалению, участие в Первом и Втором Ополчении с трудом может дать, русскому авантюристу Трубецкому столь громкий титул [5].

Следующий кандидат на престол, Дмитрий Михайлович Пожарский, в корне отличался от своего соперника за трон Трубецкого. Большинство историков и хронистов отмечают то, что основными чертами князя были: «Его отличали справедливость и великодушие, щедрость в пожертвованиях конкретным людям и обществу в целом; скромность и честность в отношениях к людям и поступках; преданность государям российским и своему Отечеству; храбрость и способность к самопожертвованию; благочестие, исключительная набожность, но без фанатизма; любовь к своим ближним» [9]. Однако большая часть бояр мечтала видеть на троне не волевого человека, а того, кем можно было управлять. Поэтому в оппозицию был выдвинут почти никому не известный Михаил Романов. Кандидатуру Романова поддержали и казаки, недовольные задержкой выплаты им жалования.

Итак, Михаил Романов оказался достоин короны не в силу отсутствовавших у него талантов или влияния его родственников. Скудность источников не позволяет сделать вывод, что сделало его симпатичным в глазах крестьян и ремесленников, и из-за чего

он казался идеальней Пожарского. Татищев, Карамзин и Ключевский делают акцент на желанности царя, его родственности по женской линии с династией Рюриковичей [2]. Академик Сахаров добавляет к этому «послужному списку» мягкий от природы характер царя Михаила, при котором народ мог забыть об опрочине Ивана Грозного и голоде в царствование Бориса Годунова. Итак, Михаил Романов стал желанным царём благодаря трём вещам: родству с Рюриковичами, мягкому и тихому нраву и желанию помочь Государству всеми силами. История показала впоследствии, что Земский Собор не ошибся в таком выборе.

Список литературы:

1. История России. С древнейших времён до начала XXI в. / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. — 1263 с.
2. Ключевский В.О. Русская история. М.: Эксмо, 2007. — 912 с.: ил.
3. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: АСТ, Астрель, 2006 г. — 608 с. — 5000 экз.
4. Полное собрание русских летописей, М., 1978, — с. 313.
5. Ровенский Г.В., Потапов Н.В. Князь Дмитрий Трубецкой — Спаситель Отечества.1611/12 гг. Краеведческий оттенок биографии. Наугоград Фрязино. 2011, — 128 стр. с ил.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907. — Т. 14, — стр. 964 с илл.
7. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.samoupravlenie.ru/55-08.php> (дата обращения: 10.09.2013).
8. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Владислав_IV_Ваза (дата обращения: 10.09.2013).
9. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитрий_Михайлович_Пожарский (дата обращения: 10.09.2013).

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ПРОЦЕСС СТРОИТЕЛЬСТВА ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ: СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ИНТЕГРАЦИИ

Шахов Андрей Евгеньевич

*аспирант ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

E-mail: shakhoff@gmail.com

PROCESS OF CONSTRUCTION OF A UNITED EUROPE: SOCIAL VECTOR OF INTEGRATION

Andrey Shahov

*postgraduate of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni
Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам развития механизмов социального участия в процессах государственного и корпоративного управления в Европейском Союзе. Проанализирован комплекс документов, составляющих нормативную базу ЕС в этой области. Выявлены факторы, оказывающие влияние на формирование управленческой модели. На основе проведенного исследования автор дает оценку эффективности существующих механизмов и предпринимает попытку прогноза их дальнейшего развития.

ABSTRACT

The article is devoted to the questions of development of mechanisms of social participation in the processes of public and corporate management in the European Union. A set of documents that constitutes the regulatory system of the European Union in this field has been examined. Factors influencing on the managerial model formation have been elicited. On the basis of the undertaken study the author gives an estimate of current mechanisms' effectiveness and takes a shot to predict its further development.

Ключевые слова: Европа; Европейский Союз; интеграция.

Keywords: Europe; European Union; integration.

Процессы интернационализации и глобализации, обусловленные прогрессом науки, техники, технологий, постоянно требуют совершенствования моделей управления, адекватных возникающим новым транснациональным, межгосударственным и наднациональным структурам. Изначально, при разработке проекта первого интеграционного объединения на территории послевоенной Европы, архитекторы ЕС, в числе коих были Жан Монне, Пьер Юри, Этьен Ирш, Поль Рейтер, а также взявший на себя инициативу по оглашению проекта на правительственном, уровне министр иностранных дел Франции Робер Шуман, руководствовались принципами федерализма, который представлялся им, как форма политического устройства, объединяющая различные государственные образования, регионы и народы в единую государственную общность. Подобная государственная общность суверенна, однако при этом субъекты обладают своего рода «остаточным» суверенитетом (т. е. полномочиями и правами по сохранению своей самобытности) и могут в соответствии с ними принимать свои конституции и законы.

Принцип федерализма, провозглашенный в Декларации Шумана [6], нашел отражение также и в преамбуле учредительного договора Европейского объединения угля и стали [9], подписанного 18 апреля 1951 г. делегатами правительств Франции, ФРГ, Италии и стран Бенилюкса. Спустя шесть лет представители тех же шести государств уже не были так ориентированы на строительство федерации. Познав уроки провала проектов оборонительного и политического союзов они продолжили отраслевой путь интеграции созданием Европейского сообщества по атомной энергии [8] и вместе с ним учреждая Европейское экономическое сообщество [10]. В преамбуле Договора говорилось лишь «об основах для все более тесного союза европейских народов». Таким образом, во второй половине 1950-х гг. произошло переосмысление практического подхода к процессам европейской интеграции в сторону принципа межгосударственной организации отношений в рамках Сообществ на основе сотрудничества в сфере обеспечения общей конкурентоспособности европейской экономики. В то же время, вопрос о социальной ответственности не поднимался на фоне положительного экономического эффекта от объединения. К примеру, 22 апреля 1954 г. между американским правительством и Верховным органом ЕОУС был заключен контракт, по которому США предоставили ЕОУС займ в 100 млн. долларов под весьма низкий

процент 3,7 % — ни одно европейское правительство на тот момент не могло бы добиться более выгодных условий.

Для Евратома бюджет формировался за счет соответствующих налогов, взимаемых с государств-членов, что во многом ограничивало независимость Комиссий, однако, вместе с тем, учредительный договор предусматривал возможность создания собственных ресурсов. Но на фоне положительного эффекта от достижений общего рынка угля и стали в Европе функционирование Евратома, наталкивалось на препятствия, подводные камни, заложенные в самом учредительном договоре и открывшиеся на волне европейского национализма. Будучи разработчиком естественного урана, Франция выбрала собственный канал поставки материалов для строительства реакторов и, в своем стремлении к лидерству и могуществу, старалась навязать его всему Сообществу. Однако остальные страны «шестерки» предпочитали развивать уже отлаженный канал поставки обогащенного урана американцами, которые продавали его по демпинговой цене, делая французские материалы неконкурентоспособными. В конце концов, 8 ноября 1958 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Евратомом и США, которое предполагало строительство в Сообществе шести атомных станций американского типа (обогащенный уран — естественная вода) с технической и финансовой помощью США, а также их гарантией снабжения ресурсами. Таким образом, ввиду доминирующей ориентации на получение прибыли в ущерб общеевропейскому социально-экономическому интересу в рамках Евратома началась своеобразная «война каналов». В результате общий рынок реакторов реально не сформировался, и, кроме того, каждая страна обеспечивала свои электроцентралы с помощью своей же собственной индустрии. И с этой точки зрения, технический успех общего исследовательского центра — реактор Orgel — стал экономическим провалом, поскольку не нашлось желающих его покупать.

Модель Европейского экономического сообщества, поглотившая институты ЕОУС и Евратома после вступления в силу Брюссельского договора [7] 1967 г., тем самым наглядно продемонстрировала наибольшую эффективность управления в системе трех Сообществ. Заложив основы конкурентоспособности общей экономики можно было обращать внимание на внутренние социальные программы. Римским договором [10] 1957 года о создании ЕЭС определялись рамки правотворческой деятельности в сфере трудовых отношений и установлены нормы, ставшие фундаментом европейского трудового права. Государства-члены соглашались принимать меры по улучшению условий жизни и труда работников, гармонизации соответствующего законодательства, а также выделяли социальные

вопросы, имеющие первоочередное значение для европейской интеграции. Кроме того согласно учредительному договору Сообщество было обязано «поддерживать и дополнять» деятельность стран ЕС в отношении «информации и консультации работников».

Единый европейский акт [2], вступивший в силу 1 июля 1987 г. расширил компетенцию Сообщества в области трудового права, а с учреждением Европейского Союза согласно Маастрихтскому договору [1] 1992 г. социальный прогресс в государствах-членах сообщества их социальное сближение начинает рассматриваться в качестве приоритета. Договором о Евросоюзе учреждался институт гражданства ЕС. Вместе с тем, с целью укрепления социальной солидарности, а также обеспечения более справедливого распределения общественного дохода между разными социальными слоями населения, повышения заинтересованности работников в делах предприятия, большинство стран ЕС в последние десятилетия приняли законодательные акты, предусматривающие создание так называемых советов предприятий или иных форм участия трудящихся в управлении предприятием и доходами от его деятельности

Нормы, зафиксированные в учредительных документах ЕС, составляют так называемое первичное право, представляя собой закон, обязательный для государств-членов, который непосредственно регулирует трудовые отношения. Он имеет приоритет относительно национального права стран-участниц ЕС. Вторичное право ЕС — это документы, издаваемые органами Евросоюза в рамках своих правотворческих полномочий на основе первичного права. В частности, Европейская комиссия и Совет принимают директивы и регламенты, устанавливающие принцип участия сотрудников в управлении предприятием и процессе принятия решений. Например, под правовое регулирование непосредственно на уровне ЕС подпадает «информация и консультация работников» в компаниях «европейского масштаба», которой посвящена принятая Советом 22 сентября 1994 г. Директива 94/45/ЕС [5] «Об учреждении в организациях и группах организаций, действующих в масштабе ЕС, европейского комитета предприятия или процедуры в целях информирования работников и проведения с ними консультаций».

В соответствии с ней компаниями европейского масштаба признаются компании, насчитывающие не менее тысячи человек и имеющие подразделения на территории двух или более стран-участниц ЕС, в каждом из которых занято не менее 150 сотрудников. В каждой из данных компаний должен быть создан специальный консультативный орган, инициатором создания которого может стать руководство предприятия или группа сотрудников не менее

ста человек. Принципы, заложенные в Директиве 1994 г. [5], в дальнейшем использовались при разработке аналогичных правил в отношении «европейских юридических лиц», учреждаемых на базе непосредственно действующих законодательных актов ЕС и способных перемещать свой юридический адрес по всей территории ЕС: «О статусе европейского акционерного общества» от 8 октября 2001 г. [3] и «О статусе европейского кооперативного общества» от 22 июля 2003 г. [4].

Таким образом, ввиду отсутствия единого нормативного поля и четкого регулирования участия сотрудников в управлении предприятием в ЕС имеет место двухуровневая система правовой регламентации: на общеевропейском и национальном уровнях. В то же время, Лиссабонский договор [11], вступивший в силу с 1 декабря 2009 г., относит разрешение подобных вопросов к сфере совместной компетенции, где государства-члены осуществляют свою компетенцию в той мере, в какой Союз не воспользовался своей. Положительным моментом можно считать то, что наряду с социальными целями в числе основополагающих задач ЕС в Договоре называются полная занятость, социальный прогресс, социальная справедливость и т. д.

Подводя итог, стоит отметить, что в процессе поиска, построения эффективной модели управления в ЕС продолжается борьба наднационального и межгосударственного подходов. Последний при проектировании европейских структур и механизмов оказывается более эффективным для преодоления противоречий, возникающих в процессе согласования создаваемой нормативной базы, однако на практике при имплементации законодательства наднациональный принцип является наиболее действенным. В этом процессе особую роль играет развитие такого элемента управления, как социальная ответственность, а ее место и роль становятся все более значимыми с формированием определенной идеологии управления на уровне компании, региона, местного самоуправления.

Немаловажен тот факт, что при строительстве модели европейского управления наряду с государственно-ориентированной интеграцией «сверху» прослеживается и тенденция гражданской ее ориентации. Появляется концепция «корпоративного гражданства». А согласно изменениям, внесенным Лиссабонским договором [11], граждане ЕС получают право выступать с инициативой Европарламенту или Совету по изменению законодательства. Все это, на наш взгляд, определенно играет положительную роль в процессе гармонизации национальных моделей управления и расширении поля общеевропейского правового и социального регулирования.

Список литературы:

1. Договор об учреждении Европейского Союза / Под ред. Ю.А. Борко, М.В. Каргаловой, Ю.М. Юмашева // Малая библиотека Европейского Союза на русском языке. Документы Европейского Союза, т. II. М., 1994.
2. Единый европейский акт / Под ред. Ю.А. Борко, М.В. Каргаловой, Ю.М. Юмашева // Малая библиотека Европейского Союза на русском языке. Документы Европейского Союза, т. II. М.: Международная издательская группа «Право», 1994. — 246 с.
3. Council Directive 2001/86/EC of 8 October 2001 supplementing the Statute for a European company with regard to the involvement of employees / Official Journal of the European Union. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001L0086:EN:HTML> (дата обращения: 8.09.2013).
4. Council Directive 2003/72/EC of 22 July 2003 supplementing the Statute for a European Cooperative Society with regard to the involvement of employees / Official Journal of the European Union. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32003L0072:EN:NOT> (дата обращения: 8.09.2013).
5. Council Directive 94/45/EC of 22 September 1994 on the establishment of a European Works Council or a procedure in Community-scale undertakings and Community-scale groups of undertakings for the purposes of informing and consulting employees / Official Journal of the European Union. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31994L0045:EN:HTML> (дата обращения: 8.09.2013).
6. The Schuman Plan and Franco-British relations / Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.cvce.eu/recherche/object-content/-/object/5cc6b004-33b7-4e44-b6db-f5f9e6c01023/f8af1224-2c7e-4113-a0da-a4c7113e8031/b6864066-9e1a-47d3-ab29-f7aabe8f88fe/en> (дата обращения: 8.09.2013).
7. Treaty establishing a single Council and a single Commission of the European Communities. — Official Journal of the European Communities (OJEC). 13.07.1967, — № 152.
8. Treaty establishing the European Atomic Energy Community (Rome, 25 March 1957) / Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.cvce.eu/recherche/object-content/-/object/3cb9e142-6ac4-4184-8794-fc3cf619cf33/97bd0837-3132-4a30-ac52-ef9176e4a235/csa6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e/en> (дата обращения: 8.09.2013).

9. Treaty establishing the European Coal and Steel Community (Paris, 18 April 1951) / Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.cvce.eu/recherche/object-content/-/object/5cc6b004-33b7-4e44-b6db-f5f9e6c01023/6158e5b2-0053-4724-9e41-78f3abb71aa2/11a21305-941e-49d7-a171-ed5be548cd58/en> (дата обращения: 8.09.2013).
10. Treaty establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957) / Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.cvce.eu/recherche/object-content/-/object/3cb9e142-6ac4-4184-8794-fc3cf619cf33/97bd0837-3132-4a30-ac52-ef9176e4a235/csa6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e/en> (дата обращения: 8.09.2013).
11. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon. 13 December 2007 / Official Journal of the European Union. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:C:2007:306:SOM:EN:HTML> (дата обращения: 8.09.2013).

4.3. АРХЕОЛОГИЯ

ОБЗОРНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИКРОЧАСТИЦ НА ОБРАЗЦЕ КВАРЦИТОВОГО САРКОФАГА ИЗ КОМПЛЕКСА ПИРАМИДЫ АМЕНЕМХЕТА II В ДАШУРЕ (ЕГИПЕТ)

Горлова Юлия Владимировна

*старший лаборант кафедры геологии нефти и газа
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону*

E-mail: gorlova-sfedu@yandex.ru

THE OBSERVATION RESULTS OF MICROPIECES' SEARCHING AT THE MODEL OF QUARTZITE SARCOPHAGUS FROM THE COMPLEX OF AMENEMHET'S II PIRAMID IN DASHUR (EGYPT)

Julia Gorlova

*the elder laboratory assistant of geology gas and naphtha's cathedra,
South Federal University,
Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

Изучение состава микрочастиц металлов на поверхности образца древнеегипетского кварцитового саркофага (комплекс пирамиды Аменемхета II, Дашур) с применением методов электронной микроскопии и микроанализа позволило установить несколько различных по составу групп микрочастиц. Доминирующими являются медно-оловянные и медно-никелевые частицы, расцениваемые автором как частицы обрабатывающих инструментов.

ABSTRACT

The study of the structure of metal microparticles on the surface of the model of Ancient Egypt quartzite sarcophagus (the complex of

Amehemhet's II pyramid, Dashur) which is dated with methods of electronic and microanalyse has permitted to realize some differences in their structure microparticles. Dominate coopertin are appraised as the bits of work out instruments.

Ключевые слова: металлические микрочастицы.

Keywords: metal microparticles.

Объектом исследований являлся образец фрагмента саркофага из комплекса пирамиды Аменемхета II (1932—1896 гг. до н. э., XII династия), в Дашуре (Египет). Саркофаг относится к остаткам припирамидных сооружений, которые, видимо, строились одновременно с пирамидой и считаются погребальными конструкциями родственников фараона. Комплекс датируется рубежом XIX—XX веков до н. э. (Среднее Царство) [3].

Целью исследования явилось установление наличия и состава микрочастиц металлов. Исследование проводилось с использованием растрового электронного микроскопа Tescan Vega LMU, оснащенного системой микроанализа Oxford INCA.

Образец представляет собой обработанную поверхность мелкокристаллического кварцита (рисунок 1).

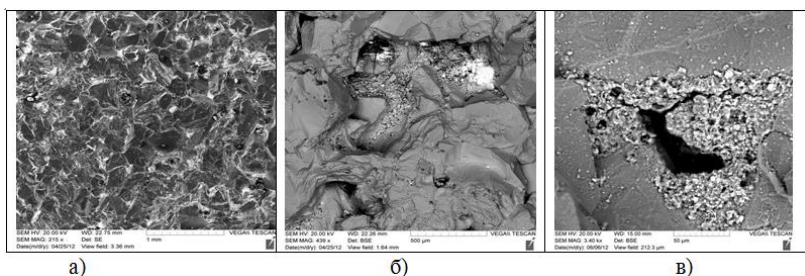

Рисунок 1. Характер поверхности саркофага: а — общий вид поверхности, б — крупные поры, содержащие микрочастицы, в — микрополости

Наличие межзерновых полостей и трещин (рисунок 1 б, в) в устойчивой к поверхностным изменениям породе способствуют сохранности микрочастиц металлов. Реже металлические частицы располагаются на гранях зерен (рисунок 2)

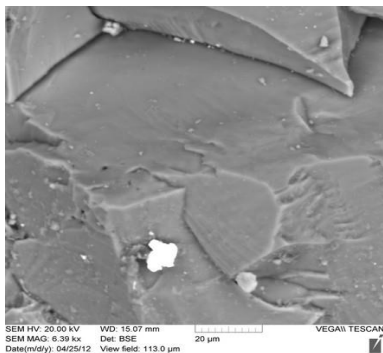

Рисунок 2. Металлическая частица на грани зерна

В межзерновом пространстве кварцита присутствуют комковатые агрегаты неправильной формы, размером 5—50 мкм представляющие собой частицы медьсодержащего сплава (рис. 3).

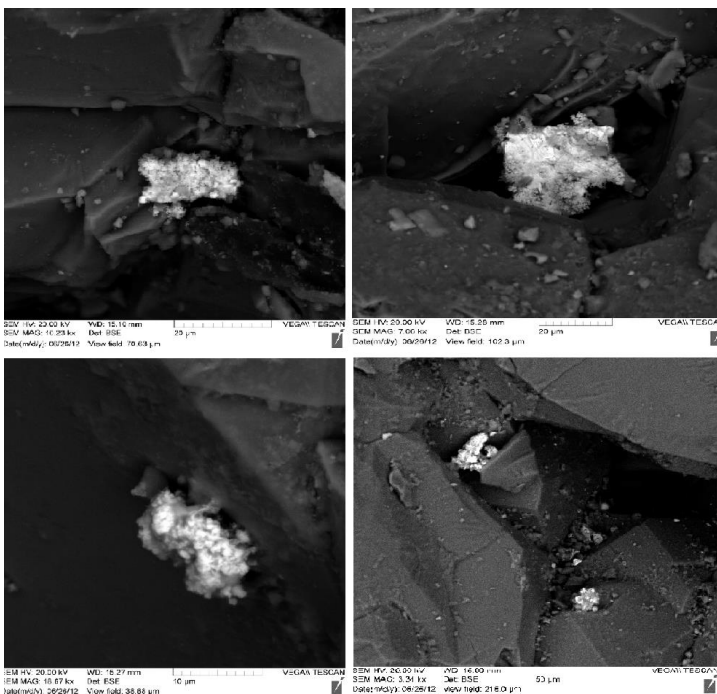

Рисунок 3. Медьсодержащие частицы

Поверхность частиц сильно корродированна. Степень сохранности исключает возможность получения представительных результатов количественного химического состава, поэтому приводится только качественный состав.

По составу, на основании исследования более 40 микрочастиц выделяются несколько групп металлических частиц, различающихся как по составу, так и по форме и степени корродированности.

Первая группа — соединения меди, количественно преобладающие. Типичные спектры медьсодержащих частиц приведены на рисунке 4.

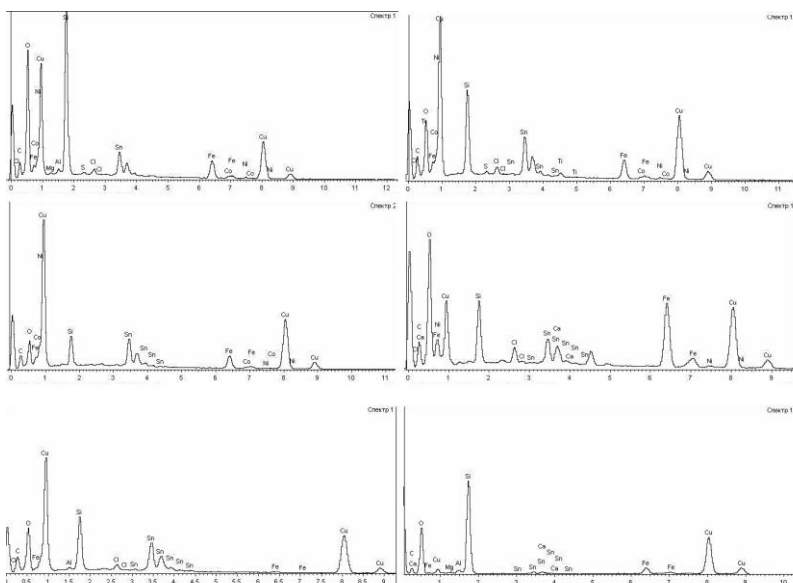

Рисунок 4. Характерные спектры медьсодержащих частиц

Соединения меди обнаруживают некоторые вариации состава. Количественно преобладает окисленная медь с примесями олова и железа. Возможно, железо является исходной (рудной) примесью, а возможно в данном случае имеет место осаждение гидроокислов железа на поверхности окисленных бронзовых частиц. В меньших количествах присутствуют Ni, Co. Вероятно, это рудные примеси. Любой сплав на микроуровне не однороден, а учитывая размер частиц (микрометры), вероятно они являются микрочастицами одного сплава.

Обнаружена единичная микрочастица мышьяковистой бронзы (рис. 5, 6).

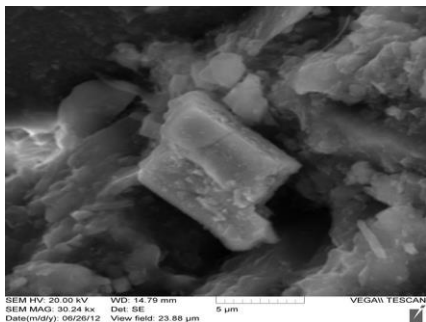

Рисунок 5. Микрочастица мышьяковистой бронзы

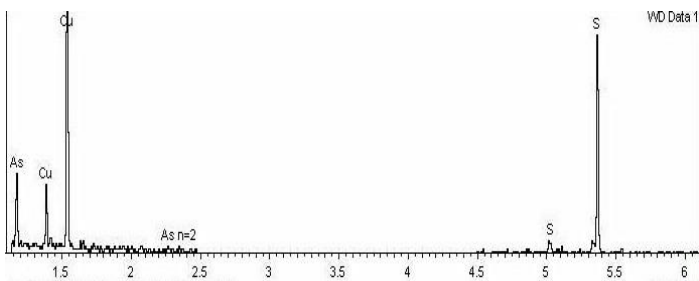

Рисунок 6. Спектр частицы Cu As S

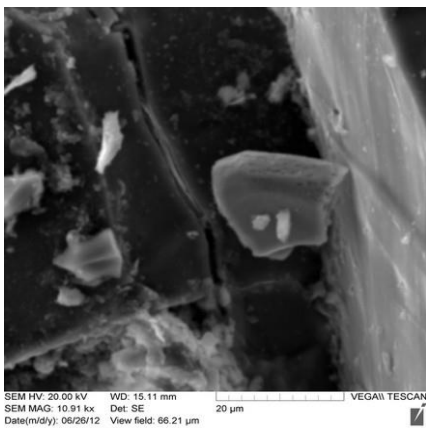

Рисунок 7. Железо-титановые микрочастицы

Следующая группа — микрочастицы, основными компонентами которых являются железо и титан. Размер частиц — 20—50 мкм. О форме частиц можно судить по изображению на рисунке 8.

Для идентификации данных частиц были отобраны зерна ильменита из небольшой не промышленной современной россыпи на Тамани. Проведено их исследование методами электронной микроскопии. Сравнительный анализ показал, что обнаруженные микрочастицы могут являться зернами ильменита (Fe Ti O_3) (рис. 8, 9).

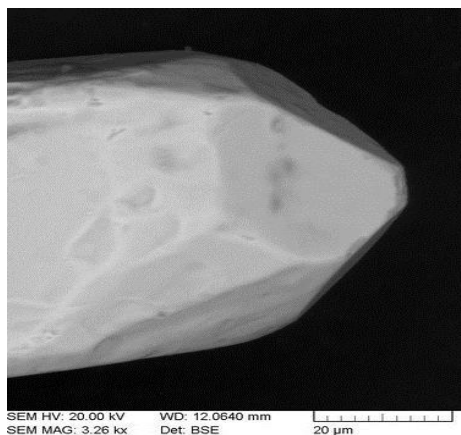

Рисунок 8. Зерно ильменита из современной россыпи

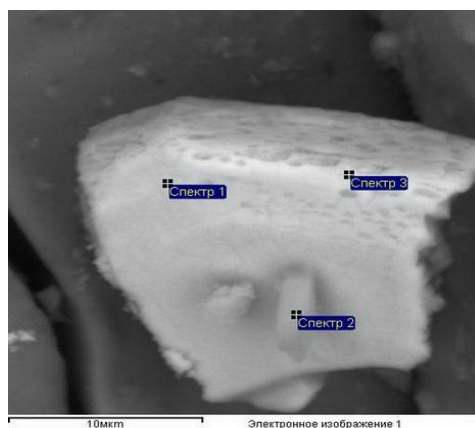

Рисунок 9. Частица с поверхности саркофага

Обращает на себя внимание, что частицы данной группы несут на себе следы механического воздействия (поломаны, поцарапаны). Можно высказать предположение, что они входили в состав абразивного материала.

Выделяется частица, спектр которой содержит как медь с оловом, так и железо с титаном. Рис. 10,11.

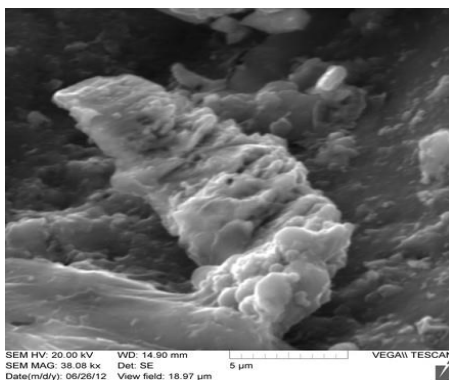

Рисунок 10. Частица «смешанного» состав

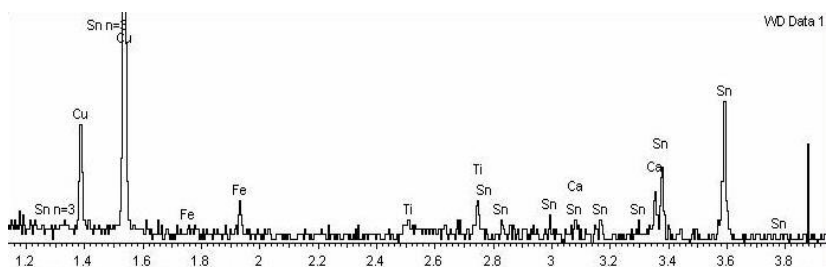

Рисунок 11. Спектр частицы «смешанного» состава

Возможно здесь имеет место механическое сцепление, которое могло произойти как во время обработки поверхности, так и при длительном нахождении рядом друг с другом, во время которого эти частицы могли сцементироваться за счет коррозии.

Еще одна группа металлических микрочастиц представляет собой соединения серебра. (Ag 84—86 %, Cl 1—2 %), рис. 12.

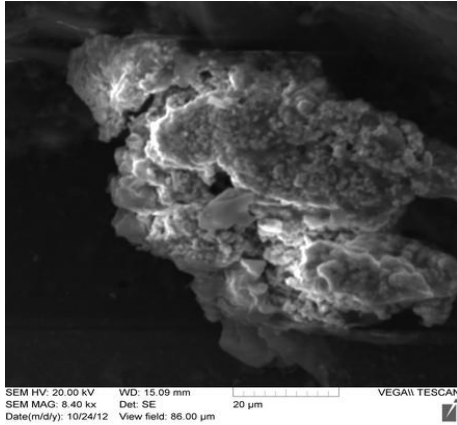

Рисунок 12. Хлорид серебра

Источник микрочастиц и время их появления на образце однозначно, исходя из имеющихся данных, установить невозможно.

Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что для периода Среднего Царства (2066—1650 гг. до н. э.) характерны единичные находки бронзовых изделий. В основном это чаши, сосуды, украшения [2]. Первая находка изделия из бронзы относится к IV династии. От XII династии сохранились несколько вполне достоверных образцов бронзовых изделий, в том числе и орудия труда. Но широкое распространение бронзовые изделия получили только начиная с XVIII династии (1550 гг. до н. э.). То есть состав преобладающей группы микрочастиц несколько отличается от данных, полученных на основании археологического датирования.

Что касается вариаций соединений меди, то наличие разных по составу металлических микрочастиц на обработанной поверхности образца, может объясняться несколькими этапами обработки поверхности саркофага или применением разных по составу обрабатывающих инструментов.

Медь была первым металлом, применявшимся человеком и исходным металлом для двух основных сплавов древности: мышьяковой меди (медь + мышьяк) и бронзы (медь + олово). Медь встречается в природе в минеральном состоянии в форме оксидов, карбонатов и сульфидов, а иногда в виде самородного металла.

Технология изготовления различных предметов из меди претерпела эволюцию: первые изделия изготавливались из самородной меди холодной ковкой, затем появляется металлургическая медь и сплавы меди с другими металлами. Было освоено литье, сначала

в открытую форму, затем в закрытую и, как наиболее развитая техника литья, литье по выплавляемым моделям; восковое литье в Египте было уже в III тыс. до н. э. [4].

Медь, из которой состоят древние изделия из Египта, как показывают анализы, не была чистой, она содержала мышьяк, железо, никель и олово в виде примесей. Это подтверждается полученными нами данными химического анализа микрочастиц. Вероятно олово специально добавляли в сплав, а остальные элементы являются естественными рудными примесями [1].

В настоящее время в Египте известны месторождения оловянной руды, но нет свидетельств, что они были известны и разрабатывались в древности. На начальном этапе бронза завозилась в Египет из соседних регионов.

В Абидосе был найден сплав меди и железа раннединастического периода [1].

Металлические частицы в изобилии сохранились на поверхности изучаемого артефакта и выявлены методами электронной микроскопии.

Поверхность кварцита, незначительно подвергающаяся выветриванию, явилась благоприятной средой для сохранности микрочастиц.

Полученные данные важны не только для сопоставления с археологическими данными о составе металлов, но и для установления источников (месторождений) металлов.

Автор выражает признательность А. Склярову (Фонд развития науки III тысячелетие, г. Москва) за предоставленные для исследования образцы.

Список литературы:

1. Лукас А. Материалы и производства Древнего Египта. М.: Издательство иностранной литературы 1958. — 407 с.
2. Рузанова С.А. Металлургия Древнего Египта в раннем бронзовом веке. Краткие сообщения института археологии РАН. Вып. 223. 2009 г.
3. Скляров А.Ю. Цивилизация богов Древнего Египта. М. ООО «Издательство Вече», 2008. — 416 с.
4. Шемарханская М.С. Проблемы реставрации археологического металла // Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей / ГБЛ, Информкультура. М., 1981., Вып. I.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам

XXVIII международной заочной научно-практической конференции

№ 8 (28)

Сентябрь 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 14.09.13. Формат бумаги 60x84/16.

Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 8,25. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»

630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605

E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»

630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3